
ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ НОВЫЙ ГОД
18+
Стаси и Элен Твенти

Стаси Твенти
Очень странный Новый год

https://litres.ru/72994752
SelfPub; 2026

Аннотация

Зима. Москва. Тьма. Привычный мир рухнул, когда из теней полезли твари, боящиеся только ультрафиолета. Власти молчат, город вымирает, а выжившие грызутся за еду и батарейки. Лена была обычной девушкой, пока не поняла: монстры ее не трогают. Более того они ее слышат. Один ментальный приказ и хищник поджимает хвост. Но у дара есть цена. Стоит на секунду расслабиться, и не ты управляешь Бездной, а Бездна управляет тобой.

В тексте есть:

- Выживание в зимней Москве
- Становление героя и опасная суперспособность
- Умные и циничные герои
- Любовный треугольник (с нюансами!)
- Монстры, тактика и много ультрафиолета
- Неунывающая мама

Содержание

Глава 1. Сверхурочные 4
Глава 2. Синдром самозванца 12
Глава 3. Отрицание и мандарины 18
Глава 4. Третий лишний 24
Глава 5. Клуб неудачников 31
Глава 6. Санитарный день и спагетти с привкусом паранойи 44
Глава 7. Иллюминация смерти и убежище класса люкс 62
Глава 8. Бал во время чумы 72
Глава 9. Шрамы под шелком и мандариновая оттепель 82
Глава 10. Справка о конце света и армия отверженных 93
Глава 11. Охотники за привидениями 103
Глава 12. Список покупок: Хлеб, молоко, огнемет 112
Конец ознакомительного фрагмента. 121

Стаси и Элен Твенти
Очень странный Новый год

Глава 1. Сверхурочные

14 декабря. 23:42

Декабрь всегда подкрадывался незаметно, словно опытный хищник, выжидающий момент для броска. Еще вчера город утопал в осенней слякоти и серости, а сегодня календарь безжалостно указывал на четырнадцатое число, запуская обратный отсчет. Время сжалось. Дни превратились в сумасшедшую гонку за дедлайнами, подарками и ускользающим ощущением праздника.

Для Лены Волковой начало зимы ознаменовалось не запахом мандаринов, а мерцанием курсора в пустой ячейке Excel-таблицы.

Двадцать третий этаж бизнес-центра «Авангард» погрузился в сонную тишину, нарушаемую лишь гудением вентиляции да редкими щелчками мыши. Огромный оупен-спейс, обычно напоминающий растревоженный улей, сейчас выглядел кладбищем офисных надежд. Мониторы зияли черными провалами, на спинках кресел висели забытые пиджаки, а мишура, которую особо инициативная секретарша развесила еще утром, в полумраке казалась не праздничным укра-

шением, а удавкой.

Лена помассировала виски, пытаясь отогнать пульсирующую боль. Цифры годового отчета плясали перед глазами, сплетаясь в бессмысленные узоры.

— Еще полчаса, — прошептала она своему отражению в темном стекле окна. — Сведешь дебет с кредитом, и поедешь домой.

За окном, далеко внизу, расстилалась Москва — сверкающее море огней. Там, внизу, жизнь била ключом: люди стояли в пробках, ругались, смеялись, выбирали елки. Здесь же, в стерильном вакууме офиса, время застыло, как муха в янтаре.

Организм настойчиво потребовал кофеина. Лена с трудом отлепилась от кресла, чувствуя, как хрустят затекшие суставы. Путь до кофе-поинта лежал через длинный коридор, ведущий к лифтовому холлу и посту охраны.

Она шла, кутаясь в уютный кардиган, и шаги ее гулко отдавались в пустоте. Стеклянные перегородки переговорных комнат отражали ее силуэт — маленькая, уставшая фигурка, затерянная в лабиринте корпоративного бетона.

В холле горел приглушенный дежурный свет. За стойкой ресепшена, уронив голову на грудь, дремал дядя Витя — ночной охранник, добродушный пенсионер с пышными усами, который обычно коротал смены за разгадыванием судоку. Сейчас его мерное сопение казалось единственным звуком, подтверждающим, что в этом здании еще теплится

жизнь.

Лена уже собиралась свернуть к кофемашине, когда двери грузового лифта с мягким звоном разъехались в стороны.

Она замерла за колонной, не желая попадаться на глаза случайным курьерам. В такое время доставки случались редко, но перед Новым годом логистика сходила с ума, работая круглосуточно.

Из кабины никто не вышел. Вместо человека на пороге лифта стояла коробка.

Довольно крупная, безупречно квадратная, обернутая в матовую черную бумагу. Ни логотипов, ни адресных наклеек, ни штрих-кодов. Лишь странная, едва уловимая вибрация исходила от нее, заставляя воздух вокруг слегка дрожать, словно над раскаленным асфальтом. Кто-то просто оставил ее в лифте и нажал кнопку этажа. Ошибка? Чья-то глупая шутка?

Дядя Витя, потревоженный звуком лифта, встрепенулся. Он протер глаза, зевнул, поправил сбившуюся форменную рубашку и, кряхтя, выбрался из-за стойки.

— Эй! — крикнул он в гулкую пустоту холла. — Есть кто? Доставка?

Тишина в ответ показалась Лене плотной, почти осязаемой. Она хотела окликнуть охранника, сказать, что это наверняка ошибка, но слова застряли в горле. Инстинкт, древний и иррациональный, приказал ей не двигаться. Вжаться в тень колонны. Не дышать.

Дядя Витя подошел к коробке. Он выглядел комично маленьким рядом с черным кубом.

— И что тут у нас? — проворчал он, наклоняясь. — Опять манагеры свои подарки забыли...

Он протянул руку. Его пальцы коснулись матовой поверхности.

В этот момент реальность словно моргнула.

Черная бумага растеклась. Материал потерял форму, превращаясь в густую, маслянистую субстанцию, напоминающую ожившую нефть. Это не подчинялось законам физики: субстанция не потекла вниз, на ковролин. Она рванулась вверх.

Лена зажала рот ладонью, подавляя крик.

Тьма двигалась с пугающей скоростью и грацией атакующей кобры. Она обвила руку охранника, мгновенно добравшись до плеча. Дядя Витя дернулся, открыл рот, чтобы закричать, но из его горла не вырвалось ни звука. Черная жижа уже залепила его лицо пульсирующей маской.

Сцена разворачивалась в абсолютной, звенящей тишине. Ни звука борьбы, ни хрипа, ни стука падающего тела.

Субстанция расширялась, поглощая человека целиком. Охранник пытался сорвать с себя эту дрянь, его ноги молотили по полу, но движения становились все слабее, словно он погружался в болото. Тьма впитывалась в его одежду, в кожу, в саму его суть.

Свет в холле замигал. Лампы начали издавать тонкий

писк, меняя спектр с теплого желтого на мертвенно-фиолетовый. Тени от колонн удлинились, изломались, потянулись к центру зала, словно приветствуя то, что вырвалось из коробки.

Лена смотрела, не в силах отвести взгляд, как тело дяди Вити начинает... таять. Его очертания теряли человеческую форму. Рука, тянущаяся к кобуре с шокером, вдруг изогнулась под немыслимым углом и втянулась внутрь черного кокона. Ноги оторвались от пола. Существо — или вещество — сжалось, уплотнилось, а затем с влажным хлюпаньем всосало остатки охранника в себя.

Секунда — и на полу не осталось ничего. Ни тела. Ни крови. Ни форменной фуражки. Только идеально чистый ковролин и небольшое пятно той самой матовой черноты, которое медленно испарялось, превращаясь в сизый дым.

Дядя Витя исчез, будто его никогда не существовало. Словно кто-то просто стер его ластиком с рисунка реальности.

Оцепенение спало так же внезапно, как и накрыло. Адреналин ударил в кровь горячей волной. Бежать.

Лена отшатнулась от колонны, и каблук предательски цокнул по плитке. Звук прозвучал подобно выстрелу.

Оставшаяся на полу черная клякса замерла. Затем, медленно, словно прислушиваясь, она начала менять форму, вытягиваясь острым шипом в сторону, где пряталась Лена. Оно ее заметило.

Не помня себя от ужаса, Лена развернулась и бросилась назад, в глубь офиса. Она бежала так быстро, как никогда в жизни, не чувствуя ног, не чувствуя дыхания. Мимо пустых столов, мимо улыбающихся лиц коллег на фотографиях, мимо мерцающей елки. Ей казалось, что за спиной она слышит странный звук — сухой шелест, будто тысячи насекомых скребут лапками по паркету.

Дверь ее кабинета — единственного со стеклянными стенами, но с надежным замком — была в конце зала. Лена влетела внутрь, с грохотом захлопнула дверь и дрожащими руками повернула защелку. Потом, спохватившись, опустила жалюзи, отрезая себя от внешнего мира.

Сердце колотилось где-то в горле, грозя сломать ребра. Лена сползла по стене на пол, под стол, обхватив колени руками.

Тишина вернулась. Но теперь это была другая тишина. Не сонная и пустая, а выжидающая. Плотная. Злая.

За тонкой перегородкой двери, там, в оупен-спейсе, что-то изменилось. Воздух стал тяжелым, пахнущим озоном и холодом, как перед грозой. Лена зажмурилась, молясь всем известным богам, чтобы это оказалось галлюцинацией, переутомлением, сном.

Но тут по низу двери, в узкой щели между полотном и полом, скользнула тень. Тень, у которой не было хозяина. Она задержалась на мгновение, будто принюхиваясь, и двинулась дальше.

Лена зажала рот рукой, чувствуя, как по щекам текут горячие слезы. Ей предстояло сидеть здесь, под столом, сжимая в руке бесполезный канцелярский нож, до самого рассвета. И надеяться, что эта жидкая тьма не умеет просачиваться сквозь замочные скважины.

Декабрь не так давно начался. И он обещал быть бесконечным.

От авторов:

Добро пожаловать в этот безумный декабрь.

Вы только что шагнули в мир нашей новой истории. Пристегнитесь: дальше будет только круче. Мы замешали для вас ядерный коктейль из офисной «жести», черного юмора, искрящей романтики и таких сюжетных поворотов, от которых закружится голова.

Главная фишка книги — полный синхрон с реальностью. Мы проживаем этот месяц вместе с вами. Каждая новая глава — это новый день на вашем календаре.

Чтобы не пропустить свежую порцию приключений, обязательно добавляйте книгу в библиотеку. И, пожалуйста, поставьте лайк! Нам с сестрой очень важно видеть вашу обратную связь. Ваши сердечки — наш главный мотиватор писать дальше, пока герои спасают мир (и годовой отчет).

Погнали!

P.S. Если вы присоединились к нам позже — без паники! Скорее догоняйте нас, читайте запоем, а потом вливайтесь в

общий ритм: одна глава — один день настоящего календаря.

Глава 2. Синдром самозванца

15 декабря. 08:15

Утро ворвалось в кабинет с настойчивым гулом, похожим на жужжание рассерженного улья. Офис ожил. Звуки шагов, телефонные трели, хлопанье дверей и приглушенный смех сливались в единую симфонию будничной суеты, от которой хотелось завыть.

Лена разлепила глаза. Тело отозвалось протестующим хрустом: ночевка под столом на жестком ковролине не прошла бесследно. Шея затекла, во рту пересохло так, словно она жевала песок, а в руке она по-прежнему сжимала канцелярский нож с выдвинутым лезвием. Жалкое, нелепое оружие против того, чему нет названия.

Она выбралась из своего укрытия, чувствуя себя самозванкой в этом царстве отглаженных рубашек и свежего кофе. Платье измялось, волосы напоминали воронье гнездо.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге возник Игорь Сергеевич. Начальник отдела аналитики выглядел, как всегда, безупречно: костюм сидел идеально, очки сверкали, а взгляд выражал смесь брезгливости и вежливого недоумения. Так смотрят на пролитый соус на дорогой скатерти.

— Волкова? — Его голос скрипел, как несмазанная петля. — Ты что, ночевала здесь?

Лена пошатнулась, опираясь о край стола. Реальность плыла.

— Игорь Сергеевич... Там... Внизу... — слова давались с трудом, язык казался распухшим. — Охранник. Дядя Витя. Его убили.

Брови начальника поползли вверх, скрываясь за оправой очков.

— Убили? Волкова, ты в своем уме? Или корпоратив начала отмечать заранее?

— Я видела! — голос Лены сорвался на визг, заставив пару голов в оупен-спейсе повернуться в их сторону. Игорь Сергеевич поморщился и прикрыл дверь, отрезая их от лишних ушей. — Коробка... черная жижа... она его растворила! Нужно вызвать полицию, оцепить здание!

— Так, стоп, — холодно оборвал он, поднимая ладонь. — Прекрати истерику. Виктор Павлович уволился.

Лена замерла, хватая ртом воздух.

— Что?..

— Уволился. Прислал смс начальнику охраны полчаса назад. «Срочные семейные обстоятельства, уехал в деревню». Ключи оставил на стойке. Все. Инцидент исчерпан.

— Это невозможно, — прошептала Лена. Мир вокруг накренился. Газлайтинг реальности был совершенным. — Я видела, как он умер. Его больше нет. Это не семейные обстоятельства, это...

— Это переутомление, Волкова, — жестко припечатал

Игорь Сергеевич. — Или алкоголь. Я не знаю и знать не хочу. У нас тендер через неделю, горит три проекта. Если ты сейчас же не приведешь себя в порядок и не сядешь за отчет, я буду вынужден искать тебе замену. Иди умойся.

Он развернулся и вышел, оставив за собой шлейф дорогого парфюма, который никак не вязался с запахом страха, пропитавшим Лену.

Ей нужно было проверить. Убедиться, что она не сошла с ума.

Лена вышла в коридор. Люди вокруг жили своей жизнью: обсуждали скидки на авиабилеты, спорили, кто будет собирать деньги на подарок главбуху. Никто не замечал, что мир дал трещину.

Лифтовый холл сиял стерильной чистотой. Уборщица тетя Зина уже прошлась здесь со своей шваброй, наполнив воздух запахом хлорки и химического лимона.

Лена подошла к тому самому месту.

Ничего. Идеально чистый пол. Ни пятнышка сажи, ни капли слизи. Даже запах озона исчез. Только ровный гул кондиционеров и холодный свет ламп.

— Ищешь вчерашний день? — раздался насмешливый голос.

Лена вздрогнула и резко обернулась.

Возле стены, там, где располагался щиток коммуникаций, на корточках сидел парень. На вид — ее ровесник, может, чуть старше. Темные волосы в творческом беспорядке,

джинсы с потертостями на коленях, футболка с логотипом какой-то старой рок-группы и пояс с инструментами, который смотрелся на нем удивительно органично. Он возился с проводкой, вскрыв декоративную панель.

— Что? — глухо спросила она.

Парень поднял голову. Серые, цепкие глаза с прищуром наглого кота скользнули по ее фигуре, задержавшись на растрепанной прическе и помятом платье.

— Видок у тебя, принцесса, будто ты всю ночь дралась с ксероксом. И ксерокс победил нокаутом, — хмыкнул он, возвращаясь к отвертке. — Я Марк, кстати. Местный повелитель розеток и спаситель вай-фая. Не стой над душой, тут напряжение.

Злость горячей волной ударила в голову, на секунду вытесняя страх. Этот паяц был единственным живым пятном в царстве офисных зомби, но его ирония сейчас была некстати.

— Иди к черту, Марк, — огрызнулась она. — Тут... тут проводка горела?

Марк даже не обернулся, продолжая ковыряться в недрах стены.

— Скачок напряжения. Предохранители вылетели, половина холла обесточена. Обычное дело перед праздниками, все врубают свои гирлянды и чайники. А что, ты хотела погреться у костра?

— А следы? — настойчиво спросила Лена, игнорируя его

сарказм. — Было что-то странное? Запах, пятна?

Он наконец перестал работать и посмотрел на нее через плечо. В его взгляде читалось откровенное недоумение.

— Слушай, если ты из отдела аудита и ищешь, к чему прикопаться, то не по адресу. Тут чисто технический сбой. Иди, проспись, серьезно. У тебя глаза, как у лемура в период миграции.

Лена сжала кулаки.

— Идиот, — бросила она и быстрым шагом направилась к лифтам, чувствуя спиной его насмешливый взгляд. Ей нужно было выбраться отсюда, хотя бы на улицу, вдохнуть холодный декабрьский воздух.

Марк проводил ее взглядом, пока двери лифта не сомкнулись, отрезая нервную девицу от холла. Он покачал головой.

— И тебе доброго утречка, — пробормотал он.

Убедившись, что в холле никого нет, Марк перестал улыбаться. Он снова повернулся к вскрытому щитку и посветил фонариком вглубь шахты, туда, куда обычный взгляд не проникал.

— Обычный скачок, как же, — прошептал он себе под нос.

В глубине ниши, на толстом медном кабеле, виднелось нечто, что заставило бы любого электрика поседеть. Медь была покрыта странным, матово-черным налетом, напоминающим иней, только цвета нефти. И этот «иней» медленно пульсировал, словно дышал.

Марк надел прорезиненную перчатку. Аккуратно, стараясь не касаться этой дряни кожей, он провел отверткой рядом. Субстанция дернулась, реагируя на металл, и втянулась глубже в изоляцию.

— А вот это уже интересно, — тихо произнес Марк. В его голосе не было страха, только азарт исследователя, наткнувшегося на новую, неизведанную проблему.

Он достал из кармана маленький пластиковый контейнер для шурупов, соскреб отверткой образец черной слизи и быстро захлопнул крышку. Контейнер мгновенно стал ледяным на ощупь.

Марк спрятал улику в карман, защелкнул панель щитка и, насвистывая Jingle Bells, направился в свою подсобку. Девица была права — тут случилось что-то странное. Но делиться своими открытиями с истеричками он не собирался.

Глава 3. Отрицание и мандарины

16 декабря. 14:20

Офис пах мандаринами и ложью.

Этот приторно-сладкий цитрусовый аромат, смешанный с запахом нагретого пластика от принтеров, висел в воздухе плотным туманом. Коллеги шуршали фольгой от шоколадных дедов морозов, передавали друг другу дольки и смеялись. Смеялись так, будто мир не стоял на краю пропасти. Будто в этом же здании, всего два дня назад, человека не стерли из реальности, как неудачный набросок.

Лена сидела за своим столом, выстроив баррикаду из мониторов. Она пыталась мимикрировать под офисную мебель.

— Ленчик, ты чего такая кислая? — Света из кадрового, женщина с начесом, которому позавидовала бы эстрада восьмидесятых, плюхнулась на край ее стола. — Мы тут меню на корпоратив обсуждаем. Ты за цезарь с креветками или за мясную нарезку?

Лена подняла взгляд. Глаза жгло от недосыпа. Последние две ночи она спала с включенным светом, вздрагивая от каждого шороха холодильника.

— Мне все равно, Свет, — выдавила она. — Хоть цианид в тарталетках.

— Ой, ну ты и язва! — хохотнула кадровичка, не заметив

мрачного подтекста. — Ладно, запишу тебя на рыбу. Кстати, ты слышала? В курьерской службе бардак. Посылки теряются пачками. Говорят, предновогодний коллапс.

«Коллапс», — эхом отозвалось в голове Лены. Она знала, куда деваются эти посылки. И кто их забирает.

Она встала. Нужно было выйти. Стены оупен-спейса давили, пестрота мишуры вызывала тошноту. Ей нужно было отнести документы на подпись в юридический отдел, на пятый этаж.

Лифт приехал быстро. Пустая зеркальная кабина, сияющая хромом. Лена шагнула внутрь, нажала кнопку «5» и прислонилась лбом к прохладному зеркалу.

Двери начали смыкаться, но в последний момент между створками просунулся тяжелый ботинок. Автоматика сработала, двери разъехались снова.

В кабину, насвистывая, вошел Марк.

На этот раз он был без пояса с инструментами, но с мотком витой пары на плече, похожим на аксельбант. Увидев Лену, он расплылся в улыбке, от которой у нее почему-то зачесались кулаки.

— О, «Мисс Нервный Срыв»! — приветствовал он ее. — Как спалось? Монстры под кроватью не кусали?

Лена демонстративно отвернулась к панели управления.

— Игнорирование — тактика сильных, — не унимался Марк, нажимая кнопку своего этажа. — Но я не гордый. Кстати, ты в курсе, что у тебя свитер наизнанку? Шучу.

Лифт плавно пошел вниз. Лена молчала, считая этажи. Двадцать второй. Двадцатый. Восемнадцатый...

И тут свет моргнул.

Это было не обычное мерцание лампы. На долю секунды кабина погрузилась в фиолетовый полумрак — тот самый оттенок, который Лена видела в ночь исчезновения охранника.

Лифт дернулся, словно наткнулся на препятствие, и замер. Гул мотора сменился отчетливым электрическим треском.

— Приехали, — констатировал Марк, перестав улыбаться. — Вот тебе и немецкое качество.

— Открой двери, — голос Лены дрогнул. Паника, которую она загоняла внутрь три дня, рванулась наружу. — Марк, сделай что-нибудь!

— Спокойно. Сейчас вызовем диспетчера. — Он нажал кнопку связи. — Прием, диспетчерская? Мы застряли между седьмым и шестым.

В ответ динамик выдал лишь шипение статики, сквозь которое прорывался странный, влажный звук. Будто кто-то чавкал. Или пережевывал провода.

Лена отшатнулась от стены, сбившись в центр кабины.

— Ты слышишь? — прошептала она. — Этот звук...

— Помехи, — Марк нахмурился. Он больше не выглядел беспечным раздолбаем. Его взгляд метался по потолку кабины.

— Это не помехи! — закричала она, теряя контроль. —

Они здесь! Они в шахте!

Воздух в кабине начал густеть. Запахло озоном — резко, до рези в глазах. Зеркала вдруг запотели, но не от дыхания, а изнутри, покрываясь морозными узорами, похожими на плесень.

— Твою мать, — выдохнул Марк.

Он бросил моток проводов на пол, подскочил к панели управления и рванул крышку, закрывающую сервисное меню.

— Что ты делаешь?!

— Пытаюсь нас перезагрузить вручную, пока мы тут не замерзли, — буркнул он, орудуя маленькой отверткой, которая возникла у него в руке словно по волшебству. — Ты чувствуешь? Температура падает.

Изо рта Лены вырвалось облачко пара. В кабине действительно становилось холодно, как в морозильной камере.

— Марк... — она схватила его за локоть. — Ты ведь знаешь, что это не поломка. Ты наверняка видел что-то в щитке.

Он замер на секунду, не оборачиваясь.

— Видел.

— И ты молчал?

— А что я должен был сделать? Написать в домовой чат? «Уважаемые жильцы, в нашей проводке завелась инопланетная слизь, просьба не пользоваться микроволновками»?

— Ты должен был мне поверить!

— Я верю фактам! — рявкнул он, замыкая какие-то кон-

такты. — И факт в том, что эта хрень жрет электричество. И сейчас мы для нее — консервы в металлической банке.

Свет погас окончательно. Теперь их освещал только тусклый экранчик смартфона Марка. Сверху, по крыше лифта, что-то скребнуло. Тяжелое. Металл жалобно скрипнул.

Лена зажала рот рукой, чтобы не завизжать. Она видела, как потолочная панель начала медленно прогибаться внутрь.

Марк выругался — витиевато и грязно. Он ударил кулаком по кнопке аварийного спуска.

— Давай, родная, падай!

Лифт вздрогнул. Раздался скрежет, и кабина ухнула вниз — резко, всего на пару метров, но этого хватило, чтобы сбить их с ног. Тормоза взвизгнули, останавливая падение. Свет вспыхнул — яркий, обычный, желтый. Двери с мелодичным звоном разъехались.

Пятый этаж. Юридический отдел.

В коридоре играла музыка. «Let it snow, let it snow...». Мимо прошла девушка с папкой бумаг, даже не взглянув на бледных людей в лифте.

Лена и Марк вывалились из кабины, едва не столкнувшись лбами. Они жадно хватали ртом воздух, словно вынырнули с глубины.

Марк оперся руками о колени, пытаясь отдышаться. Его веселая маска слетела окончательно.

— Ладно, — выдохнул он, глядя на Лену снизу вверх. — Ладно. Ты победила.

— В чем? — спросила она, чувствуя, как дрожат колени.

— Я не знаю, что за дерьмо творится в этом здании, — он выпрямился, и его серые глаза смотрели теперь серьезно, почти жестко. — Но два дня назад я взял образец той слизи из щитка. Я сунул его под микроскоп.

— И?

— И оно двигалось, Лена. Оно пыталось сожрать предметное стекло. — Марк понизил голос до шепота, оглядываясь по сторонам. — Мы не просто застряли. Нас пасли. Оно знало, что мы там.

Лена посмотрела на него — взлохмаченного, напуганного, но впервые за эти дни — настоящего союзника.

— Что нам делать?

— Для начала — выпить чего-то покрепче кофе, — нервно усмехнулся Марк. — А потом... потом я покажу тебе, что эта штука делает с крысами. Но предупреждаю: после этого мандаринки в горло не полезут.

Глава 4. Третий лишний

17 декабря. 19:40

К семнадцатому декабря город окончательно погрузился в предпраздничную истерию, напоминающую массовое помешательство. Снаружи, за толстыми стеклопакетами бизнес-центра, мела колючая поземка, превращая пробки в бесконечные рубиновые реки стоп-сигналов, а внутри здания царило напряженное затишье. Казалось, бетонные стены впитали тревогу Лены и Марка, начав вибрировать на одной с ними частоте — частоте страха.

Они встретились в самом неподходящем для заговоров месте — возле грузового дебаркадера, где обычно курили грузчики и водители. Здесь пахло сырым картоном, выхлопными газами и застарелым табаком.

Лена зябко куталась в пальто, нервно оглядываясь на тяжелые металлические двери.

— Мы ходим по кругу, — ее голос дрожал, срываясь на шепот. — Никто ничего не видел. Камеры в ту ночь якобы были на профилактике. Дядя Витя исчез, будто его стерли ластиком. Марк, я схожу с ума.

Марк, прислонившись спиной к штабелю паллет, крутил в руках тот самый пластиковый контейнер с образцом. Теперь он носил его в специальном свинцовом футляре для радиодеталей — на всякий случай.

— Мы не сходим с ума, Лен, — мрачно отозвался он, глядя куда-то в темноту коридора. — Мы просто первые, кто заметил плесень на красивом фасаде. Эта субстанция... она меняет структуру материи. Я проверил под микроскопом. Это не биология и не химия. Это...

— Это эхо, — раздался скрипучий, будто несмазанная петля, голос из глубины склада.

Лена вздрогнула, едва не выронив сумку. Марк мгновенно подобрался, сунув руку в карман куртки, где лежал тяжелый разводной ключ.

Из полумрака, шаркающей походкой, выступила фигура. Георгий Иванович, бессменный кладовщик цокольного этажа, человек-легенда, который, казалось, был частью фундамента этого здания. Его лицо, испещренное глубокими морщинами, напоминало старую карту, а выцветшие водянистые глаза смотрели с пугающей ясностью. На нем висел безразмерный синий халат, в карманах которого позвякивали ключи от всех дверей этого лабиринта.

— Георгий Иванович? — выдохнула Лена. — Вы нас напугали.

Старик не улыбнулся. Он подошел ближе, распространяя вокруг себя запах пыли и дешевого одеколона «Шипр».

— Вы лезете туда, где темно, детки, — прошамкал он, глядя не на них, а сквозь них, словно видя призраков за их спинами. — Думаете, это началось сейчас? Ошибка доставки? Сбой в матрице?

— А разве нет? — насторожился Марк, делая шаг вперед и заслоняя собой Лену.

Георгий Иванович горько усмехнулся, обнажив желтые от никотина зубы.

— Двадцать лет назад, — прошептал он, и от этого шепота по спине Лены пробежал холодок. — Зимой две тысячи пятого. Тогда это здание еще только достраивали. Я работал здесь ночным сторожем на котловане. Мы нашли тогда... полость. Пустоту в земле, которой не должно было быть. Инженеры залили ее бетоном, запечатали. Но Они запомнили дорогу.

— Кто «Они»? — спросила Лена, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Тени, — старик поднял узловатый палец вверх. — Они приходят с холодом и электричеством. Они спят в проводах, как ток. И когда вы зажигаете свои чертовы гирлянды, вы делаете их сильнее. Вы кормите их.

Он вдруг закашлялся — тяжело, надрывно, и махнул рукой, словно отгоняя наваждение.

— Уходите. Увольняйтесь. Бегите из города.

Не дав им опомниться, кладовщик развернулся и растворился в темных проходах склада так же бесшумно, как и появился, оставив после себя лишь тяжелое ощущение недосказанности.

Слова старика крутились в голове Лены навязчивой пластинкой, пока она спускалась на минус второй уровень пар-

ковки. Лифт сюда не ходил — приходилось идти пешком по гулкой бетонной лестнице, где каждый шаг отдавался многократным эхом, похожим на чье-то прерывистое дыхание.

Парковка встретила ее могильным холодом и тусклым, мигающим светом люминесцентных ламп. Огромное пространство, заставленное спящими машинами, напоминало склеп для механизмов. Тишина здесь казалась плотной, осязаемой субстанцией, давящей на уши.

Лена ускорила шаг, сжимая в руке ключи от своей маленькой красной «Мазды», припаркованной в дальнем углу, у самой стены. Ей хотелось одного — оказаться внутри спасительной металлической капсулы, включить печку на максимум и уехать туда, где много людей и света.

Вот и машина.

Лена остановилась, нахмурившись.

На капоте ее автомобиля лежала внушительная шапка снега. Белого, пушистого снега, искрящегося в неверном свете ламп.

— Откуда? — прошептала она в пустоту.

Парковка находилась глубоко под землей. Сюда не залетал ветер, здесь не было открытых окон. Машина стояла здесь с утра, и утром она была чистой.

Мозг, истощенный страхом и паранойей, попытался найти рациональное объяснение. Может, прорвало вентиляцию? Нападало с чьих-то колес? Шутка коллег?

Лена подошла ближе, протягивая руку, чтобы смахнуть

сугроб. Ее пальцы коснулись белой поверхности.

Она ожидала почувствовать холод и влагу. Вместо этого пальцы провалились во что-то вязкое, теплое и липкое, напоминающее густую паутину или вату, пропитанную клеем.

В ту же секунду «сугроб» открыл глаза.

Множество мелких, черных глаз-бусинок распахнулись прямо в белой массе. Снег вздыбился, трансформируясь, теряя форму, выпуская десятки тонких, полупрозрачных жгутов.

Лена закричала, пытаясь отдернуть руку, но липкая дрянь держала крепко. Существо — мимик, идеально притворившийся частью зимнего пейзажа — издало звук, похожий на скрежет пенопласта по стеклу. Оно рванулось вперед, перетекая с капота на Лену, стремясь добраться до лица.

Она увидела пасть — круглую воронку, усеянную мелкими, как иглы, зубами, вращающимися по спирали.

— Помогите! — крик отразился от бетонных стен, многократно усиленный эхом.

Существо уже обвило ее плечо, тяжелое, удушливое, пахнущее гнилой землей. Лена билась, скользя подошвами по бетону, но тварь была сильнее. Она затягивала ее на капот.

Внезапно сбоку раздался топот бегущих ног.

— А ну отошла от нее, тварь!

Марк.

Он вылетел из-за колонны, сжимая в руках красный баллон углекислотного огнетушителя, как штурмовую винтов-

ку. Не раздумывая ни секунды, он выдернул чеку и нажал на рычаг.

Мощная струя ледяного газа, шипя и клокоча, ударила прямо в центр бесформенной массы.

Белое облако окутало машину. Существо издало пронзительный, ультразвуковой визг, от которого у Лены едва не лопнули барабанные перепонки. Резкий перепад температуры подействовал мгновенно: вязкая субстанция затвердела, стала хрупкой, потеряла эластичность. Жгуты, державшие руку Лены, треснули и осыпались ледяной крошкой.

Лена упала на колени, отползая назад, сдирая колготки об шершавый пол.

— Добавь еще! — заорала она, глядя, как тварь пытается перегруппироваться, меняя цвет с белого на грязно-серый, под цвет бетона.

Марк не нуждался в подсказках. Он подошел вплотную и разрядил остаток баллона прямо в пульсирующую сердцевину монстра.

Существо скрючилось, сжалось в тугой, покрытый инеем ком, и с противным хлюпаньем юркнуло в решетку ливневой канализации под машиной, оставив на капоте лишь мутные разводы.

Марк опустил огнетушитель, его руки дрожали. Он перевел взгляд на Лену.

— Ты как? — хрипло спросил он, протягивая ей руку, чтобы помочь встать.

Лена посмотрела на свою куртку, на которой остались следы странной слизи, потом на черную дыру канализации.

— Оно растет, Марк, — прошептала она, цепляясь за его ладонь, как за спасательный круг. — Оно учится. Сначала коробка. Теперь снег. Что дальше? Елка? Дед Мороз?

Марк притянул ее к себе — резким, собственническим движением, проверяя, нет ли ран.

— Я не знаю, — ответил он, глядя в темноту парковки, которая теперь казалась не пустой, а наполненной тысячами невидимых глаз. — Но Георгий был прав. Это не авария. Это вторжение.

Он посмотрел на часы. До Нового года оставалось четырнадцать дней. Но ощущалось, что их время истекло еще вчера.

Глава 5. Клуб неудачников

18 декабря. 02:15

Убежище пахло канифолью, пылью системных блоков и дорогим виски, который явно не вязался с обстановкой.

Марк называл это место «Серверная № 4», но на деле это была крохотная, незаконно оборудованная каморка за фальшстеной в подвале, куда не заглядывало начальство. Здесь царил уют постапокалипсиса: мигали зелеными диодами стойки серверов, гудели кулеры, а на стенах висели плакаты из старых видеоигр вперемешку с мотками кабелей.

Лена сидела на единственном продавленном диване, поджав ноги. В руках она сжимала эмалированную кружку с надписью «Любимой бабушке» (откуда она здесь?), на дне которой плескалась янтарная жидкость.

Напротив, на перевернутом ящике из-под инструментов, восседал Георгий Иванович. Старый вахтер выглядел как свергнутый король в изгнании: всклокоченные седые волосы, расстегнутый синий халат и граненый стакан в руке.

Марк расхаживал по комнате, нервно потирая переносицу.

— Итак, подведем итоги нашего корпоративного тимбилдинга, — нарушил он тишину. — У нас есть монстр-мимик, который жрет людей и притворяется снегом. У нас есть здание, построенное на проклятом месте. И у нас есть бутылка

«Джека», которую я берег на Новый год, но, видимо, Новый год наступил досрочно.

— За упокой, — мрачно провозгласил Георгий Иванович и, не чокаясь, опрокинул стакан.

Лена сделала глоток. Виски обожгло горло, но тепло было приятным — оно вытесняло ледяной страх, поселившийся в груди после парковки.

Внезапно в кармане ее пальто, брошенного на стул, заиграла бодрая мелодия. «Jingle Bell Rock».

Лена вздрогнула так, что расплескала виски на джинсы.

— Это мама, — выдохнула она, глядя на экран смартфона как на бомбу с часовым механизмом. — Господи, три часа ночи в ее часовом поясе. Зачем она звонит?

— Ответь, — посоветовал Марк, присаживаясь рядом на подлокотник дивана. — Иначе она вызовет МЧС. Матери чувствуют, когда их дети вляпываются в дерьмо.

Лена дрожащими пальцами провела по экрану.

— Алло, мам?

— Леночка! — Голос матери звучал бодро и немного обвиняюще. — Ты почему не спишь? Я вот встала водички попить, думаю, дай наберу. Ты купила горошек? Тот, который мозговых сортов, а не жесткий, как в прошлом году?

Сюрреализм происходящего накрыл Лену с головой. Она сидела в бункере с безумным вахтером и парнем, которого знала три дня, только что чуть не была съедена ожившим сугробом, а мама спрашивала про горошек.

— Купила, мам, — соврала Лена, свободной рукой доставая второй телефон (рабочий) и вбивая в гугл запрос: «как убить тень электричество уязвимость».

— Умница. А то расхватают. А платье выбрала? Надеюсь, не то черное, балахонистое? Тебе нужно что-то яркое, чтобы жениха найти!

Лена покосилась на Марка. Тот сидел преступно близко, и от него пахло не только виски, но и чем-то неуловимо мужским — смесью парфюма и канифоли. Он, заметив ее взгляд, подмигнул и беззвучно пошевелил губами: «Скажи, что жених уже есть, но он идиот».

— Мам, тут такое дело... — Лена прокручивала поисковую выдачу. «Форум магов: снятие порчи», «Википедия: шаровая молния», «Топ-10 монстров из D&D». Ничего полезного. — Я сейчас немного занята. У нас тут... аврал. Отчеты.

— Ох, опять твоя работа! — вздохнула трубка. — Ладно, не буду мешать. Береги себя, доча. И смотри под ноги, говорят, гололед страшный.

— Смотрю, мам. Я теперь очень внимательно смотрю под ноги.

Лена сбросила вызов и откинула телефон.

— Горошек мозговых сортов, — констатировала она, закрывая лицо руками. — Мы все умрем, а она расстроится из-за салата.

— Не умрем, — Марк мягко убрал ее руки от лица. Его пальцы были теплыми и шершавыми. — По крайней мере,

не из-за салата.

Между ними повисла пауза. Та самая, наэлектризованная, когда взгляд задерживается чуть дольше положенного, а дыхание сбивается не от бега. В полумраке серверной серые глаза Марка казались почти черными.

Георгий Иванович громко кашлянул, разрушая момент.

— Гуглить бесполезно, дочка, — проскрипел он, наливая себе вторую порцию. — В интернете про такое не пишут. Эти твари... они не из биологии. Они из физики. Изнанка мира.

— Изнанка? — переспросил Марк, переключая внимание на старика, но не отодвигаясь от Лены.

— Пустоты, — вахтер постучал пальцем по столу. — Между атомами есть пустота. Между секундами есть миг безвременья. Обычно там тихо. Но иногда дверь открывается. Лаборатория, которая тут арендует подвал... «Эгида» или как их там... они эту дверь пинком открыли.

— Лаборатория? — Лена встрепенулась. — Вы про тех парней с минус третьего этажа, к которым даже курьеров не пускают?

— Про них, — кивнул Георгий. — Я видел, как они завозили оборудование. Генераторы, катушки Теслы, какие-то контейнеры со льдом. Они искали энергию, а нашли... вот это.

Марк вскочил, начиная мерить шагами тесное пространство. Адреналин снова заиграл в крови.

— Если это лаборатория, значит, у них должен быть «ру-

бильник». Источник. Гнездо. Называйте как хотите.

— И что ты предлагаешь? — Лена скептически подняла бровь. — Пойти туда и попросить книгу жалоб?

— Полиция нас пошлет в дурку, — рассуждал Марк, загибая пальцы. — Начальство... ну, ты видела Игоря Сергеевича. Ему плевать, даже если Ктулху сожрет бухгалтерию, лишь бы квартальный закрыли.

Он резко остановился перед Леной, упершись руками в ее колени.

— Мы — клуб неудачников, Лен. Я — технарь, который видит то, чего нет. Ты — менеджер, которого пытался съесть снеговик. И Георгий — хранитель ключей. Мы единственные, кто знает правду.

— Ты предлагаешь самим найти это гнездо? — догадалась она.

— Я предлагаю спуститься на минус третий этаж. Уже ночь, там никого не должно быть, кроме дежурной охраны. А систему безопасности я... ну, скажем так, мы с ней давно на «ты».

Лена посмотрела на него. В его глазах горел тот же безумный огонек, что и у нее самой. Страх никуда не делся, но к нему примешалась злость. Злость на то, что кто-то превратил их жизнь в хоррор.

— У меня есть ключи от пожарных выходов, — вдруг подал голос Георгий Иванович, доставая из кармана внушительную связку. — И я знаю, где слепая зона у камер.

Лена вздохнула, допивая виски одним глотком.

— Нет, так не пойдет, — решительно заявила она. — Мы наведаемся туда, но только после того, как побольше узнаем о враге.

— И какие у нас варианты? — спросил Марк.

— Нужно достать документы об «Эгиде» и узнать, чем они на самом деле занимаются. Думаю, они могут храниться у главбуха.

— Кража со взломом? — Марк потер ладони в предвкушении. — Мне это нравится!

— А мне нет, но куда деваться, — вздохнула Лена.

18 декабря. 10:15

Все же сумев немного поспать, утром, как и договаривались, Лена и Сарк встретились в холле.

Бухгалтерия располагалась на восемнадцатом этаже и напоминала отдельное государство со своими законами, климатом и карательными органами. Здесь даже воздух казался плотнее, насыщенный запахом растворимого кофе, пыльных папок и экзистенциального ужаса перед налоговой проверкой.

Вход в эту обитель зла охраняла массивная дверь с кодовым замком, но для Марка это препятствие оказалось смехотворным. Куда сложнее было преодолеть главного босса уровня — Инессу Павловну.

Главный бухгалтер холдинга была женщиной монументальной. Ее прическа, залаченная до состояния пуленепро-

биваемого шлема, возвышалась над столом, как корона империи, а взгляд поверх очков мог заморозить воду быстрее любого монстра из Изнанки.

— План такой, — шептал Марк, прячась за кадкой с фикусом в коридоре. — Ты заходишь и устраиваешь шоу. Мне нужно три минуты. Ее компьютер — это крепость, но я знаю одну уязвимость всех бухгалтеров мира.

— Какую? — нервно спросила Лена, поправляя блузку. Руки у нее дрожали, как у школьницы перед ЕГЭ.

— Они записывают пароли на стикерах и клеят под клавиатуру. Или на монитор. Это классика.

— А если она меня убьет? Взглядом?

— Тогда я напишу на твоей плите: «Она погибла за правду и квартальную премию». Вперед, Ленчик. Ты же менеджер, ты умеешь заговаривать зубы. Импровизируй!

Лена набрала в грудь побольше воздуха, перекрестилась (мысленно) и толкнула дверь.

Кабинет Инессы Павловны встретил ее стуком клавиш. Хозяйка кабинета восседала за Т-образным столом, заваленным первичной документацией.

— Инесса Павловна! — воскликнула Лена с порога, вкладывая в голос максимум паники. — Это катастрофа!

Главбух медленно подняла голову. Ее взгляд просканировал Лену на предмет наличия совести и отсутствия подписанных актов.

— Волкова? Если ты насчет аванса, то программа висит.

Приходи в январе.

— Нет! Какой аванс! — Лена подбежала к столу, махая пустой папкой. — Налоговая! Они звонили в отдел продаж! Спрашивают про встречную проверку с контрагентом «Эгида-Лаб». Говорят, у нас разрыв по НДС на три миллиона! Требуют оригиналы договоров за 2002 год! Срочно!

Слово «налоговая» подействовало как заклинание призыва демона. Лицо Инессы Павловны из мертвенно-бледного стало пунцовым.

— Какой еще разрыв? — прорычала она, вставая. Фикус в углу испуганно дрогнул. — У меня все копейка в копейку! Это они там, дармоеды, в своих базах напортачили! Где запрос?

— Внизу! Курьер принес! Охрана не пускает без вашей подписи! — врала Лена, чувствуя, как холодный пот течет по спине. — Они грозятся счета заблокировать через десять минут!

Инесса Павловна издала звук, похожий на рев раненого бизона.

— Я им заблокирую! Я им так заблокирую! — Она схватила телефон, но Лена перехватила инициативу.

— Не звоните! Там инспектор — зверь, он сказал, только лично в руки!

Главбух вылетела из-за стола, сметая на ходу папки, и рванула к двери со скоростью, удивительной для ее комплекции.

— Ничего не трогать! — рявкнула она и исчезла в кори-

доре, оставив за собой вихрь возмущения.

Как только дверь захлопнулась, из-за шкафа с архивами вынырнул Марк. Он проник туда ползком, пока Лена разыгрывала спектакль.

— Гениально, — бросил он, падая в кресло главбуха. — «Разрыв по НДС» — это было жестоко. У нее могло сердце остановиться.

— У меня у самой сейчас сердце остановится! Ищи быстрее!

Марк уже барабанил по клавишам. Компьютер был заблокирован. Он поднял клавиатуру. Пусто. Проверил под ковриком для мыши. Чисто.

— Черт, — прошипел он. — Продвинутая, походу.

— Марк! У нас нет времени!

Он огляделся. Взгляд упал на монитор, обклеенный иконами и фотографиями пухлого кота. На одной из фоток, в углу, маркером было написано: «Барсик 15.04.2018».

Марк ввел: Barsik2018. «Неверный пароль».

— Думай, как бухгалтер, — бормотал он. — Что для нее святое?

Он ввел: 1C_Buhgalteria. «Неверный пароль».

В коридоре послышался цокот каблуков. Инесса Павловна возвращалась. Может, распознала нестыковки в словах Лены?

— Марк! — прошептала Лена, прижимаясь ухом к двери. — Она идет!

— Есть! — вдруг воскликнул он.

Он просто посмотрел на кактус, стоящий у монитора. На горшке был приклеен маленький выцветший стикер с цифрами: 123456.

— Серьезно? — выдохнул хакер. — Гений кибербезопасности.

Система пустила его внутрь. Марк вставил флешку. Поиск по ключевым словам: «Эгида», «Аренда», «Лаборатория». На экране высветился список файлов. «Договор аренды цокольного помещения (Сектор Б)», «Акт приема-передачи биоматериалов», «Счета за электроэнергию (сверхнорматив)».

— Копируй! — шипела Лена.

Ползунок копирования полз предательски медленно. 40%... 56%...

Дверная ручка начала поворачиваться. Дверь распахнулась настежь, ударившись о стену.

Но это была не Инесса Павловна.

В проеме стояла девушка лет двадцати. Яркие розовые волосы, огромные наушники на шее, в руках — смартфон на стабилизаторе. Вика, стажерка из отдела маркетинга, которую никто не воспринимал всерьез.

Она навела камеру прямо на Марка, сидевшего в кресле главбуха, и Лену, вжавшуюся в стену.

— О-мой-бог! — громко произнесла Вика, глядя не на них, а в экран телефона. — Гайз, вы не поверите, что я сей-

час вижу! Это же кража века в прямом эфире! Хештег ОфисныеБудни, хештег Криминал

— Тихо! — Марк подскочил, выдергивая флешку (99%... готово!).

Вика опустила телефон, но не выключила запись. Ее глаза горели восторгом.

— Вы что, мутите слив базы конкурентам? Корпоративный шпионаж? Я в деле!

— Мы не шпионы, — начала Лена, пытаясь придумать оправдание. — Мы...

— Мы спасаем ваши задницы, — перебил Марк, подходя к стажерке. — Удали видео. Живо.

Вика фыркнула, надув губку.

— Ага, щас. Это же контент! У меня охваты взлетят! Короче, либо вы берете меня в долю, либо я иду к Инессе Палне и показываю ей, кто сидел на ее троне. А она, кстати, уже подходит к лифту, я видела.

Марк и Лена переглянулись. Выбора не было.

— Ладно, — процедил Марк. — Но если ты пикнешь или запостишь это до того, как я разрешу — я хакну твой Инстаграм и удалю всех подписчиков.

Вика округлила глаза. Угроза была страшнее смерти.

— Поняла. Молчу.

В коридоре раздался грозный рык Инессы Павловны: «Кто сказал, что внизу курьер?! Охрана ни сном ни духом!»

— Валим! — скомандовал Марк.

Они выскочили из кабинета и побежали к выходу на лестницу, едва не сбив с ног уборщицу. Вика бежала за ними, снимая на камеру свои кроссовки (для сторис, конечно).

Спустя десять минут, отдышавшись на лестничной клетке между этажами, Марк вставил флешку в свой ноутбук. Лена и Вика нависли над экраном.

— Итак, что мы имеем? — спросил Марк, открывая первый файл.

Документ был скучным, полным юридической терминологии, но один пункт был интересным.

«Арендатор (ООО "Эгида") имеет право на проведение экспериментов с субматерией в ночное время. Арендодатель не несет ответственности за возможные пространственные искажения и побочные эффекты.

— Пространственные искажения? — переспросила Вика, перестав жевать жвачку. — Это типа как в кино про пришельцев?

— Хуже, — мрачно ответила Лена. — Это значит, что наше руководство знало. Они сдали подвал монстрам за повышенную арендную ставку.

Марк открыл папку со счетами.

— Посмотрите на потребление энергии. В декабре скачок на 500%. Они что-то готовят. Что-то очень мощное.

— Гирлянду включили? — хихикнула Вика, но осеклась под тяжелым взглядом Лены.

— Нет, — сказал Марк. — Они строят портал. И судя по

графику авансовых платежей, финальный запуск запланирован на... — он прокрутил документ вниз. — На 31 декабря. 23:55.

— Под бой курантов, — прошептала Лена. — Классика.

Теперь у них были доказательства. И у них была Вика, которая, судя по всему, только что стала официальным летописцем их самоубийственной миссии.

— Так, — Вика деловито поправила розовую прядь. — Если мы собираемся спасать мир, мне нужно сменить аутфит. В этом худи я выгляжу недостаточно героически. А еще я хочу знать, что, черт возьми, здесь происходит!?

Лена закрыла лицо руками. Этот цирк только начинался.

Глава 6. Санитарный день и спагетти с привкусом паранойи

19 декабря. 09:20

В пятницу тревожный привкус опасности поселился на языке Лены с самого утра. Бизнес-центр «Авангард», обычно в это время заглатывающий сотни офисных клерков, сегодня стоял оцепленным, словно место преступления. Желтые ленты перекрывали периметр, а у главных дверей, блокируя вращающиеся створки, застыли три черных фургона без номеров. На их бортах белела лаконичная, ничего не объясняющая надпись: «Служба санитарного контроля».

Лена и Марк наблюдали за происходящим из салона машины, припаркованной в переулке, в безопасной тени соседней многоэтажки.

— Дезинсекция, — процедил Марк, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев. — Ну, конечно. Что-то мне подсказывает, что они не тараканов травить приехали.

Из дверей центра вышли люди. Их фигуры, облаченные в глухие серые комбинезоны и полнолицевые респираторы, двигались с пугающей синхронностью. В руках они держали не распылители с ядом, а короткие, хищного вида автоматы, стыдливо прикрытые чехлами, и тяжелые кейсы с оборудованием.

— Флешка, — выдохнула Лена, чувствуя, как завтрак подступает к горлу. — Твой ноутбук, записи... Если они найдут это...

— Если они найдут это, нам конец, — закончил за нее Марк. Его взгляд стал жестким, собранным. — Ноутбук я забрал в пятницу. А вот резервный жесткий диск в серверной... Там логи всех систем безопасности. Документы про лабораторию и начальство. Если они доберутся до «Серверной №4» раньше нас, мы потеряем единственный козырь.

— Мы не пойдем туда, — голос Лены сорвался. — Там вооруженные наемники!

— У нас нет выбора. Они начнут с верхних этажей и рецепции. Подвал оставят на десерт, думая, что там только крысы. Мы зайдем через вентиляционный люк парковки. Я знаю дорогу.

Путь через технические коммуникации напоминал спуск в преисподнюю. Узкие, пыльные лазы, где пахло ржавым железом и старой смазкой, вывели их в коридор цокольного этажа. Здесь царил полумрак, разбавляемый лишь тревожным миганием аварийных ламп. Но самое страшное скрывалось в воздухе: по полу стелился густой, молочно-белый туман — химический аэрозоль, который «дезинсекторы» уже начали закачивать в здание.

Этот туман искажал звуки, превращая шаги в шуршание, а голоса — в невнятное бормотание. Лена шла след в след за Марком, зажав рот шарфом.

— Тихо, — одними губами произнес Марк, прижимая ее к холодной бетонной стене.

В конце коридора, выплывая из белесой мути, возникли два силуэта. Лучи тактических фонарей прорезали мглу, шаря по стенам, как щупальца глубоководных чудовищ.

— Сектор Б-4 чист, — раздался искаженный маской механический голос. — Переходим к техническим помещениям.

Лена зажмурилась, чувствуя, как сердце колотится о ребра, грозя выдать их присутствие. Они стояли в нише за штабелем списанных мониторов, молясь, чтобы лучи света не скользнули чуть левее.

Тяжелые ботинки прогрохотали мимо, удаляясь в сторону лифтов.

— Вперед, — шепнул Марк, хватая ее за руку.

Они рванули к заветной двери, замаскированной под электрощитовую. Пальцы Марка порхали над кодовым замком, но дрожь выдавала напряжение. Замок пискнул, пропуская их внутрь.

В тесной серверной гудели кулеры, создавая иллюзию безопасности. Марк кинулся к стойке, вырывая провода, отсоединяя внешний накопитель — черный брусок, хранящий их жизни.

— Есть, — он сунул диск во внутренний карман куртки. — Уходим.

Но стоило ему коснуться ручки двери, как снаружи по-

слышались голоса. Громкие, уверенные. Страшные люди шли сюда. Прямо к этой двери.

— Черт, — Марк метнулся назад, оглядывая каморку. Выхода не существовало. Только вентиляционная решетка под потолком, слишком узкая для человека, и единственная дверь, за которой их ждала расстрельная команда.

— Они засекли нас, — прошептал он, и в его глазах промелькнуло отчаяние, смешанное с безумной решимостью. — Лен, слушай меня.

Он схватил ее за плечи, глядя прямо в глаза.

— За этой стойкой есть фальшпол. Там кабель-канал, он ведет в соседнюю бойлерную. Ползи. Не останавливайся.

— А ты? — Лена вцепилась в его рукава.

— Я их отвлеку.

— Нет! Марк, нет!

— Уходи! — рявкнул он, толкая ее в угол, где уже была сдвинута плитка пола. — Если они поймают нас обоих, все было зря. Спасай доказательства.

Дверь содрогнулась от мощного удара. Металл жалобно скрипнул.

Лена, глотая слезы, юркнула в темную, пыльную нору под полом. Она видела, как Марк развернулся к входу, сжимая в руке тяжелый серверный блок бесперебойного питания. Он выдернул чеку огнетушителя, стоявшего в углу, но не нажал на рычаг, а швырнул баллон в кучу проводов под напряжением.

Дверь вылетела с петель. В проем ворвались люди в масках.

— Стоять! — гаркнул один из них, вскидывая автомат.

В эту секунду Марк ударил монтировкой по силовому кабелю, проходившему рядом с поврежденным огнетушителем.

Ослепительная вспышка короткого замыкания разорвала полумрак. Сноп искр, смешавшись с облаком углекислоты, вырвавшимся из пробитого баллона, создал завесу хаоса. Раздались крики, беспорядочная стрельба.

Лена ползла по узкому желобу, сдирая колени, задыхаясь от пыли и ужаса. Грохот за спиной затих, сменившись топотом и руганью. Она выбралась в бойлерной, вывалившись на грязный пол, и тут же рванула к запасному выходу, ведущему на улицу. Ура, открыт.

Холодный ветер ударил в лицо, обжигая мокрые от слез щеки. Она выскочила на задний двор, заваленный мусорными контейнерами, и прижалась к стене, судорожно сжимая в руке жесткий диск.

— Марк... — прошептала она, вглядываясь в темный проем двери, откуда только что выбежала.

Секунды тянулись, как часы. Тишина звенела.

И вдруг из клубов пара, вырывавшихся из вентиляции, вывалилась фигура. Марк кашлял, прижимая руку к боку, его куртка дымилась, на лице копоть перемешалась с кровью из разбитой брови, но он двигался. Живой.

Лена бросилась к нему, подхватывая, не давая упасть.

— Ты... ты дурак! — рыдала она, ощупывая его, проверяя целость костей. — Ты сумасшедший идиот!

— Зато эффективный, — прохрипел он, пытаясь улыбнуться разбитыми губами. В его руке все еще был зажат проплавленный кусок кабеля. — Они ослепли минут на пять. Валим отсюда, Ленчик. Пока они не включили тепловизоры.

Они доковыляли до машины. Марк плюхнулся на водительское сиденье, морщась от боли, но руль Лене не доверил.

— Не хочешь поехать ко мне? — спросила Лена, когда они отъехали на безопасное расстояние. Руки у нее все еще тряслись. — Мне... мне страшно. И тебе нужна помощь.

Марк посмотрел на нее, оценивая обстановку.

— К тебе? — несмотря на свое состояние, Марк игриво усмехнулся. — Только есть одно условие. Нам нужно в магазин.

— В магазин? — Лена уставилась на него, как на сумасшедшего. — Ты весь в крови и саже! Нас наверняка ищут!

— Тем лучше. Никто не ищет террористов в отделе бакалеи, — он подмигнул, хотя веко явно начинало опухать. — И вообще, лучший способ снять стресс — это углеводы. Много сложных углеводов и сухое красное. Я не собираюсь умирать от голода из-за кучки фашистов в респираторах.

Спорить с ним было бесполезно. Этот невыносимый человек даже на краю гибели думал о еде.

Спустя час они были у Лены. Квартира встретила их ти-

шиной, которая казалась оглушительной после грохота выстрелов. Марк сбросил прожженную куртку прямо на пол в прихожей и по-хозяйски направился на кухню, выкладывая на стол добычу: спагетти, бекон, сыр и бутылку вина. В магазине на них оборачивались посетители, но вот кассирша и бровью не повела.

— Сядь, — скомандовала Лена, доставая аптечку. Ее голос окреп — теперь здесь, на своей территории, она могла взять ситуацию под контроль. — Сначала раны, потом твои гастрономические изыски.

Марк закатил глаза, но послушно уселся на стул, расстегивая рубашку. Под тканью обнаружился уродливый, сочащийся кровью ожог на боку и глубокая ссадина.

— Выглядит хуже, чем есть, — прокомментировал он, пока Лена смачивала вату перекисью. — Ай! Осторожнее, женщина! Ты меня лечишь или пытаешь?

— Я дезинфицирую твою глупость, — парировала Лена, прижимая вату сильнее, чем требовалось. Ей хотелось одновременно ударить его и обнять. — Ты мог погибнуть там. Зачем ты остался?

— Затем, что ты слишком медленно ползаешь, — фыркнул он, шипя сквозь зубы. — И вообще, шрамы украшают мужчину. Теперь буду рассказывать, что дрался с медведем. Или с ксероксом-убийцей.

Лена наклонилась ближе, заклеивая рассеченную бровь пластырем. Марк замолчал. Его дыхание коснулось ее щеки.

Он вдруг перестал паясничать и посмотрел на нее — снизу вверх, серьезно и изучающе.

— Спасибо, — тихо сказал он, перехватив ее руку. — Что дождалась.

— В следующий раз обязательно брошу, — буркнула она, вырывая ладонь, чтобы скрыть смущение. — Все, жить будешь. Готовь свою макароны, герой.

Марк тут же нацепил привычную маску самоуверенного наглеца.

— Не просто макароны, а карбонару, — поправил он, вставая и морщась. — И запомни, Ленчик: если я увижу сливки в сковородке, я вызову полицию нравов. Настоящая карбонара — это желтки, сыр и вода из-под пасты. Все остальное — ересь.

Он хозяйничал на ее кухне с раздражающей ловкостью. Закатал рукава, обнажив жилистые предплечья, и орудовал ножом, нарезая бекон, словно всю жизнь работал су-шефом, а не технарем. Лена сидела на столешнице с бокалом вина, наблюдая за ним. Странно, но его ворчание по поводу ее тупых ножей и отсутствия нормальной терки успокаивало лучше любого седативного.

— Пробуй, — он протянул ей ложку с соусом, оказавшись слишком близко.

Лена замерла. В теплом свете лампы его лицо — с пластырем на брови, размазанной копотью и серой тенью усталости под глазами — казалось самым родным, что она видела за

последние годы.

— Вкусно? — спросил он, не отводя взгляда. Его серые глаза потемнели.

— Очень, — шепнула она, забыв о вкусе.

Марк усмехнулся — не дерзко, а как-то мягко, и потянулся рукой к ее лицу, убирая выбившуюся прядь. Его пальцы, шершавые и горячие, скользнули по виску, вызывая электрический разряд, куда мощнее того, что он устроил в подвале. Воздух между ними сгустился, натянулся струной. Он наклонился чуть ближе, и Лена, вместо того чтобы отстраниться, подалась вперед...

Пр-р-ш-ш!

Вода в кастрюле с шипением убежала на плиту, заливая конфорку.

— Черт! — Марк отпрянул, хватаясь за полотенце.

— Мы чуть не сожгли ужин, — констатировала Лена, пряча пылающее лицо.

— С твоим везением мы могли сжечь весь дом, — буркнул он.

Они ужинали, сидя на полу в гостиной. Паста была божественной, вино терпким, а страх отступил в тень, загнанный туда смехом и звоном вилок. Но Лена знала: где-то там, за окном, в черных фургонах сидят люди, которые не прощают кражи жестких дисков. И это затишье — всего лишь передышка перед настоящей бурей.

В пятницу тревожный привкус опасности поселился на языке Лены с самого утра. Бизнес-центр «Авангард», обычно в это время заглатывающий сотни офисных клерков, сегодня стоял оцепленным, словно место преступления. Желтые ленты перекрывали периметр, а у главных дверей, блокируя вращающиеся створки, застыли три черных фургона без номеров. На их бортах белела лаконичная, ничего не объясняющая надпись: «Служба санитарного контроля».

Лена и Марк наблюдали за происходящим из салона машины, припаркованной в переулке, в безопасной тени соседней многоэтажки.

— Дезинсекция, — процедил Марк, сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев. — Ну, конечно. Что-то мне подсказывает, что они не тараканов травить приехали.

Из дверей центра вышли люди. Их фигуры, облаченные в глухие серые комбинезоны и полнолицевые респираторы, двигались с пугающей синхронностью. В руках они держали не распылители с ядом, а короткие, хищного вида автоматы, стыдливо прикрытые чехлами, и тяжелые кейсы с оборудованием.

— Флешка, — выдохнула Лена, чувствуя, как завтрак подступает к горлу. — Твой ноутбук, записи... Если они найдут это...

— Если они найдут это, нам конец, — закончил за нее Марк. Его взгляд стал жестким, собранным. — Ноутбук я забрал в пятницу. А вот резервный жесткий диск в сервер-

ной... Там логи всех систем безопасности. Документы про лабораторию и начальство. Если они доберутся до «Серверной №4» раньше нас, мы потеряем единственный козырь.

— Мы не пойдем туда, — голос Лены сорвался. — Там вооруженные наемники!

— У нас нет выбора. Они начнут с верхних этажей и рецепции. Подвал оставят на десерт, думая, что там только крысы. Мы зайдем через вентиляционный люк парковки. Я знаю дорогу.

Путь через технические коммуникации напоминал спуск в преисподнюю. Узкие, пыльные лазы, где пахло ржавым железом и старой смазкой, вывели их в коридор цокольного этажа. Здесь царил полумрак, разбавляемый лишь тревожным миганием аварийных ламп. Но самое страшное скрывалось в воздухе: по полу стелился густой, молочно-белый туман — химический аэрозоль, который «дезинсекторы» уже начали закачивать в здание.

Этот туман искажал звуки, превращая шаги в шуршание, а голоса — в невнятное бормотание. Лена шла след в след за Марком, зажав рот шарфом.

— Тихо, — одними губами произнес Марк, прижимая ее к холодной бетонной стене.

В конце коридора, выплывая из белесой мути, возникли два силуэта. Лучи тактических фонарей прорезали мглу, шаря по стенам, как щупальца глубоководных чудовищ.

— Сектор Б-4 чист, — раздался искаженный маской ме-

ханический голос. — Переходим к техническим помещениям.

Лена зажмурилась, чувствуя, как сердце колотится о ребра, грозя выдать их присутствие. Они стояли в нише за штабелем списанных мониторов, молясь, чтобы лучи света не скользнули чуть левее.

Тяжелые ботинки прогрохотали мимо, удаляясь в сторону лифтов.

— Вперед, — шепнул Марк, хватая ее за руку.

Они рванули к заветной двери, замаскированной под электрощитовую. Пальцы Марка порхали над кодовым замком, но дрожь выдавала напряжение. Замок пискнул, пропуская их внутрь.

В тесной серверной гудели кулеры, создавая иллюзию безопасности. Марк кинулся к стойке, вырывая провода, отсоединяя внешний накопитель — черный брусок, хранящий их жизни.

— Есть, — он сунул диск во внутренний карман куртки. — Уходим.

Но стоило ему коснуться ручки двери, как снаружи послышались голоса. Громкие, уверенные. Страшные люди шли сюда. Прямо к этой двери.

— Черт, — Марк метнулся назад, оглядывая каморку. Выхода не существовало. Только вентиляционная решетка под потолком, слишком узкая для человека, и единственная дверь, за которой их ждала расстрельная команда.

— Они засекли нас, — прошептал он, и в его глазах промелькнуло отчаяние, смешанное с безумной решимостью. — Лен, слушай меня.

Он схватил ее за плечи, глядя прямо в глаза.

— За этой стойкой есть фальшпол. Там кабель-канал, он ведет в соседнюю бойлерную. Ползи. Не останавливайся.

— А ты? — Лена вцепилась в его рукава.

— Я их отвлеку.

— Нет! Марк, нет!

— Уходи! — рявкнул он, толкая ее в угол, где уже была сдвинута плитка пола. — Если они поймают нас обоих, все было зря. Спасай доказательства.

Дверь содрогнулась от мощного удара. Металл жалобно скрипнул.

Лена, глотая слезы, юркнула в темную, пыльную нору под полом. Она видела, как Марк развернулся к входу, сжимая в руке тяжелый серверный блок бесперебойного питания. Он выдернул чеку огнетушителя, стоявшего в углу, но не нажал на рычаг, а швырнул баллон в кучу проводов под напряжением.

Дверь вылетела с петель. В проем ворвались люди в масках.

— Стоять! — гаркнул один из них, вскидывая автомат.

В эту секунду Марк ударил монтировкой по силовому кабелю, проходившему рядом с поврежденным огнетушителем.

Ослепительная вспышка короткого замыкания разорвала полумрак. Сноп искр, смешавшись с облаком углекислоты, вырвавшимся из пробитого баллона, создал завесу хаоса. Раздались крики, беспорядочная стрельба.

Лена ползла по узкому желобу, сдирая колени, задыхаясь от пыли и ужаса. Грохот за спиной затих, сменившись топотом и руганью. Она выбралась в бойлерной, вывалившись на грязный пол, и тут же рванула к запасному выходу, ведущему на улицу. Ура, открыт.

Холодный ветер ударил в лицо, обжигая мокрые от слез щеки. Она выскочила на задний двор, заваленный мусорными контейнерами, и прижалась к стене, судорожно сжимая в руке жесткий диск.

— Марк... — прошептала она, вглядываясь в темный проем двери, откуда только что выбежала.

Секунды тянулись, как часы. Тишина звенела.

И вдруг из клубов пара, вырывавшихся из вентиляции, вывалилась фигура. Марк кашлял, прижимая руку к боку, его куртка дымилась, на лице копоть перемешалась с кровью из разбитой брови, но он двигался. Живой.

Лена бросилась к нему, подхватывая, не давая упасть.

— Ты... ты дурак! — рыдала она, ощупывая его, проверяя целость костей. — Ты сумасшедший идиот!

— Зато эффективный, — прохрипел он, пытаясь улыбнуться разбитыми губами. В его руке все еще был зажат проплавленный кусок кабеля. — Они ослепли минут на пять.

Валим отсюда, Ленчик. Пока они не включили тепловизоры.

Они доковыляли до машины. Марк плюхнулся на водительское сиденье, морщась от боли, но руль Лене не доверил.

— Не хочешь поехать ко мне? — спросила Лена, когда они отъехали на безопасное расстояние. Руки у нее все еще тряслись. — Мне... мне страшно. И тебе нужна помощь.

Марк посмотрел на нее, оценивая обстановку.

— К тебе? — несмотря на свое состояние, Марк игриво усмехнулся. — Только есть одно условие. Нам нужно в магазин.

— В магазин? — Лена уставилась на него, как на сумасшедшего. — Ты весь в крови и саже! Нас наверняка ищут!

— Тем лучше. Никто не ищет террористов в отделе бакалеи, — он подмигнул, хотя веко явно начинало опухать. — И вообще, лучший способ снять стресс — это углеводы. Много сложных углеводов и сухое красное. Я не собираюсь умирать от голода из-за кучки фашистов в респираторах.

Спорить с ним было бесполезно. Этот невыносимый человек даже на краю гибели думал о еде.

Спустя час они были у Лены. Квартира встретила их тишиной, которая казалась оглушительной после грохота выстрелов. Марк сбросил прожженную куртку прямо на пол в прихожей и по-хозяйски направился на кухню, выкладывая на стол добычу: спагетти, бекон, сыр и бутылку вина. В магазине на них оборачивались посетители, но вот кассирша и бровью не повела.

— Сядь, — скомандовала Лена, доставая аптечку. Ее голос окреп — теперь здесь, на своей территории, она могла взять ситуацию под контроль. — Сначала раны, потом твои гастрономические изыски.

Марк закатил глаза, но послушно уселся на стул, расстегивая рубашку. Под тканью обнаружился уродливый, сочащийся кровью ожог на боку и глубокая ссадина.

— Выглядит хуже, чем есть, — прокомментировал он, пока Лена смачивала вату перекисью. — Ай! Осторожнее, женщина! Ты меня лечишь или пытаешь?

— Я дезинфицирую твою глупость, — парировала Лена, прижимая вату сильнее, чем требовалось. Ей хотелось одновременно ударить его и обнять. — Ты мог погибнуть там. Зачем ты остался?

— Затем, что ты слишком медленно ползаешь, — фыркнул он, шипя сквозь зубы. — И вообще, шрамы украшают мужчину. Теперь буду рассказывать, что дрался с медведем. Или с ксероксом-убийцей.

Лена наклонилась ближе, заклеивая рассеченную бровь пластырем. Марк замолчал. Его дыхание коснулось ее щеки. Он вдруг перестал паясничать и посмотрел на нее — снизу вверх, серьезно и изучающе.

— Спасибо, — тихо сказал он, перехватив ее руку. — Что дождалась.

— В следующий раз обязательно брошу, — буркнула она, вырывая ладонь, чтобы скрыть смущение. — Все, жить бу-

дешь. Готовь свою макароны, герой.

Марк тут же нацепил привычную маску самоуверенного наглеца.

— Не просто макароны, а карбонару, — поправил он, вставая и морщась. — И запомни, Ленчик: если я увижу сливки в сковородке, я вызову полицию нравов. Настоящая карбонара — это желтки, сыр и вода из-под пасты. Все остальное — ересь.

Он хозяйничал на ее кухне с раздражающей ловкостью. Закатал рукава, обнажив жилистые предплечья, и орудовал ножом, нарезая бекон, словно всю жизнь работал су-шефом, а не технарем. Лена сидела на столешнице с бокалом вина, наблюдая за ним. Странно, но его ворчание по поводу ее тупых ножей и отсутствия нормальной терки успокаивало лучше любого седативного.

— Пробуй, — он протянул ей ложку с соусом, оказавшись слишком близко.

Лена замерла. В теплом свете лампы его лицо — с пластырем на брови, размазанной копотью и серой тенью усталости под глазами — казалось самым родным, что она видела за последние годы.

— Вкусно? — спросил он, не отводя взгляда. Его серые глаза потемнели.

— Очень, — шепнула она, забыв о вкусе.

Марк усмехнулся — не дерзко, а как-то мягко, и потянулся рукой к ее лицу, убирая выбившуюся прядь. Его пальцы,

шершавые и горячие, скользнули по виску, вызывая электрический разряд, куда мощнее того, что он устроил в подвале. Воздух между ними сгустился, натянулся струной. Он наклонился чуть ближе, и Лена, вместо того чтобы отстраниться, подалась вперед...

Пр-р-ш-ш!

Вода в кастрюле с шипением убежала на плиту, заливая конфорку.

— Черт! — Марк отпрянул, хватаясь за полотенце.

— Мы чуть не сожгли ужин, — констатировала Лена, пряча пылающее лицо.

— С твоим везением мы могли сжечь весь дом, — буркнул он.

Они ужинали, сидя на полу в гостиной. Паста была божественной, вино терпким, а страх отступил в тень, загнанный туда смехом и звоном вилок. Но Лена знала: где-то там, за окном, в черных фургонах сидят люди, которые не прощают кражи жестких дисков. И это затишье — всего лишь передышка перед настоящей бурей.

Глава 7. Иллюминация смерти и убежище класса люкс

20 декабря. 12:12

Москва, облачившаяся в парчу из миллиона светодиодов, сияла с бесстыдной роскошью. Тверская, бульвары, переулки Замоскворечья — все утопало в золотом и сапфировом свечении, превращая столицу в исполинскую елочную игрушку, внутри которой, под слоем мишуры и глянца, вызревало нечто чудовищное. Город праздновал приближение конца года, не подозревая, что этот конец может стать буквальным.

Команда, которую судьба собрала из обломков здравого смысла и случайных совпадений, заняла дальний столик в шумном фуд-корте торгового центра «Европейский». Отсюда, с высоты птичьего полета, открывался панорамный вид на площадь Киевского вокзала, переливающуюся огнями, словно рассыпанная шкатулка с драгоценностями.

Лена смотрела на эту феерию света, и внутри у нее росло липкое чувство узнавания. Теперь, зная правду, она видела в праздничной иллюминации не радость, а гигантскую, пульсирующую кровеносную систему, питающую невидимого врага.

— Значит, мы в дерьме, — констатировала Вика, отложив

телефон. Даже ее неизменный оптимизм, казалось, дал трещину: розовая прядь уныло свисала на лоб, а в сторис она не постила ничего уже целый час. — И это не фигура речи.

Георгий Иванович, выглядевший в интерьерах модного молла как пришелец из другой эпохи в своем потертом твидовом пиджаке, разгладил на пластиковом столе смятую салфетку. Его узловатые пальцы, испачканные графитом, вывели схематичный рисунок, напоминающий переплетение корней.

— Вы мыслите узко, как муравьи, видящие только свой муравейник, — проскрипел он, обводя жирным контуром здание их бизнес-центра. — Вы думали, тварь одна? Одинокий хищник, заблудившийся в лифте?

Марк, поморщившись, поправил повязку на боку, скрытую под свитером. Боль напоминала о себе каждым вздохом, но взгляд его оставался ясным и злым.

— Мы надеялись на это, — ответил он. — Один монстр — это проблема. Колония — это катострофа.

— Именно, — кивнул старик, и в его водянистых глазах отразились огни торгового центра. — Вентиляция. Та самая система, которую «Эгида» перестроила под свои нужды. Она пронизывает здание, как грибница пронизывает гнилой пень. То, что вы видели в лифте, на парковке, в снегу — это не разные существа. Это пальцы одной руки. Споры разлетелись по шахтам еще неделю назад.

Лена вспомнила сладковатый запах озона в кабинете,

сквозняки, гуляющие по ногам, и странную пыль на подоконниках.

— Они везде? — прошептала она.

— Они спали, — Георгий Иванович ткнул пальцем в окно, за которым бушевал океан электрического света. — Ждали. Им нужна энергия для роста. Не плоть, не кровь, а чистый ток. И мы, идиоты, дали им шведский стол. Посмотрите на город! Мы зажгли столько гирлянд, что их видно из космоса. Мы создали для них идеальный инкубатор. Каждая лампочка, каждая светящаяся арка — это игла с адреналином для них.

Повисла тяжелая пауза, которую не могли заглушить ни рождественские хиты из динамиков, ни гомон толпы. Реальность обрушилась на них всей своей тяжестью: они противостояли не просто корпоративному заговору, а экосистеме, питающейся самим духом праздника.

— И что теперь? — голос Вики дрогнул. — Уедем? У меня тетка в Сызрани, там вообще ничего не светится, даже фонари не работают. Спрячемся в глуши?

Марк посмотрел на Лену. В этом взгляде читался немой вопрос, ожидание вердикта. Бежать было логично. Бежать было правильно. Инстинкт самосохранения вопил, требуя бросить все, сесть в машину и гнать до самой границы, пока за спиной не погаснет зарево обреченной Москвы.

Лена перевела взгляд на экран своего смартфона. Там висело уведомление от банка: «Очередной платеж по ипотеке

списан. Спасибо, что вы с нами». Двадцать три года. Еще двадцать три года выплат за квартиру в этом безумном, сверкающем городе. За квартиру с видом на парк, где она мечтала гулять с собакой. За кухню, где они с Марком готовили карбонару.

Злость, горячая и упрямая, поднялась из глубины души, вытесняя страх.

— Я никуда не поеду, — твердо произнесла она.

— Лен, это не шутки, — начал Марк, хотя в уголках его губ уже зарождалась одобрительная усмешка. — Это не отчет просрочить. Тебя сожрут.

— Пусть подавятся, — она сжала кулаки. — У меня ипотека, Марк. У меня карьера, которую я упорно строила. У меня, черт возьми, абонемент в фитнес-центр, который я еще ни разу не использовала! Я не отдам свой город и свою жизнь какой-то плесени из пробирки и кучке сумасшедших в химзащите. Бежать некуда. Везде будет то же самое, если мы их не остановим здесь.

— Уважаю, — хмыкнул Георгий Иванович, доставая из кармана фляжку и делая глоток. — Старая школа.

Вика посмотрела на них круглыми глазами, потом решительно вытащила помаду, подкрасила губы и включила камеру на телефоне.

— Ладно. Если мы собираемся умирать, то сделаем это в трендах. Я с вами. Это будет лучший контент года. #СпастиМоскву #АпокалипсисВДекабре.

Марк накрыл ладонь Лены своей. Его пальцы, шершавые и теплые, дарили уверенность, которой так не хватало.

— Я тоже остаюсь, — сказал он просто. — У меня принципы. Я не люблю баги в системе. А эта дрянь — самый жирный баг, который я видел. — он посмотрел Лене в глаза, и мир вокруг на секунду сузился до размеров их столика.

— Тогда решено, — Лена глубоко вдохнула, чувствуя, как внутри закипает энергия, не имеющая ничего общего с электричеством. — Мы дадим им бой, даже если для этого придется погасить всю Москву.

— Есть еще одно «но»! — Георгий Иванович поднял один палец вверх. — Вам лучше не возвращаться домой. То, что вчера за вами не пришли — чудо. Но рано или поздно они добудут ваши адреса и заявятся прямо на порог.

— И что же нам делать? — пискнула Вика.

— Есть у меня идейка, — усмехнулся Георгий.

20 декабря. 14:17

Такси, неохотно хлюпая шинами по серой каше из реагентов и грязи, выплюнуло их на окраине промзоны, где городская праздничная истерия сменялась угрюмой тишиной гаражных кооперативов. Здесь не было ни неоновых вывесок, ни нарядных елок — только бесконечные ряды ржавых железных ворот, укрытых шапками почерневшего снега, да стаи бродячих собак, провожающих чужаков настороженными взглядами.

— Добро пожаловать в мою цитадель, — торжественно провозгласил Георгий Иванович, останавливаясь перед воротами, выкрашенными в ядовито-зеленый цвет, местами облупившийся до рыжего металла. — Гаражный кооператив «Лада-2». Объект стратегического назначения.

Старик, кряхтя, начал возиться с амбарным замком, который по размеру мог бы поспорить с головой небольшого медведя. Замок поддавался неохотно, скрежеща и сопротивляясь, словно страж гробницы, не желающий впускать живых.

Когда створки наконец распахнулись, в нос ударил густой, сложный букет ароматов: смесь бензина, старой резины, домашнего маринада и чего-то неуловимо спиртового.

— Прошу, — Георгий Иванович широким жестом пригласил их внутрь. — Чувствуйте себя как дома, но ничего не трогайте. Особенно тот вентиль справа.

Внутреннее убранство гаража поражало эклектикой. Это был храм Плюшкина, возведенный в абсолют. Вдоль стен, до самого потолка, тянулись стеллажи, заставленные банками с соленьями, которые в тусклом свете единственной лампочки светились загадочным янтарным светом, подобно колбам в лаборатории алхимика. Между банками с огурцами и помидорами уютно расположились старые карбюраторы, стопки журналов «За рулем» за 1985 год, мотки проволоки и даже чучело совы с одним глазом.

В центре помещения, занимая почетное место, возвышался монструозный агрегат из медных трубок, змеевиков и ско-

роварки, напоминающий гибрид самогонного аппарата и адронного коллайдера в миниатюре.

— Это... — Лена, стараясь не касаться стен своим кашемировым пальто цвета кэмел, с ужасом оглядела пространство, где ей предстояло жить. — Это наш штаб?

— Это элитная недвижимость, между прочим, — отозвался Марк, уже успевший плюхнуться на продавленное заднее сиденье от «Волги», служившее здесь диваном. Он закинул ноги на ящик с инструментами и нагло ухмыльнулся, глядя на растерянную Лену. — Сухо, тепло, и, заметь, никаких камер наблюдения. Идеальное место для подпольной ячейки сопротивления. Присаживайся, принцесса, в ногах правды нет.

Лена смерила его уничтожающим взглядом, но выбора не оставалось. Она брезгливо подобрала полы пальто и присела на краешек перевернутого ведра, накрытого какой-то ветошью. Контраст между ее офисным лоском, идеальным маникюром и окружающей обстановкой постапокалиптического гаража был настолько разительным, что казался почти комичным.

— Это кошмар, — подала голос Вика. Она стояла у входа, подняв телефон над головой, словно Статуя Свободы — факел, и с трагическим выражением лица вращалась вокруг своей оси. — Гайз, вы не понимаете масштаба трагедии. Тут «Ешка». Даже не 3G. Интернет умирает в муках. Как я буду стримить нашу революцию? Почтовыми голубями?

— Полезно для детокса, — хмыкнул Георгий Иванович, любовно протирая тряпочкой медный бок своего аппарата.

— Итак, — Марк хлопнул в ладоши, и облачко пыли взметнулось в воздух, пляша в луче света. — Расклад такой. Квартиры скорее всего «пасутся». В офис нам вход, походу, тоже закрыт. Мы в черном списке службы безопасности корпорации. У нас есть жесткий диск, куча соленых огурцов и безумный план спасения Москвы. Чего нам не хватает? Ах да, спальных мест.

Георгий Иванович, порывшись в недрах гаража, извлек на свет божий две советские раскладушки, ткань на которых местами протерлась, но все еще держалась на честном слове и пружинах.

— Вот, — гордо сказал он. — Ортопедическое основание. Почти.

Лена с тоской посмотрела на конструкцию. Последний раз она видела подобное в пионерлагере, и воспоминания эти были связаны с болью в спине и скрипом, от которого просыпался весь отряд.

Она попыталась разложить этот механизм, но ржавые сочленения заело. Лена дернула сильнее, рискуя сломать ноготь, но раскладушка лишь лязгнула, прищемив край ее пальто.

— Отойди, — раздался над ухом голос Марка. — Смотреть больно, как ты мучаешь этот артефакт.

Он мягко, но настойчиво отстранил ее. Его движения бы-

ли уверенными и точными — пара ударов ладонью в нужных местах, рывок, щелчок — и непокорная мебель послушно распласталась по бетонному полу.

— Вуаля, — Марк выпрямился, оказавшись снова непозволительно близко. Он пах холодом, той самой пастой, которую они ели вчера, и немного — ржавчиной этого места. — Сервис уровня пять звезд. Шампанское в номер заказывать будем?

— Ты невыносим, — прошептала Лена, чувствуя, как щеки снова предательски розовеют. Его наглость была защитной броней, она понимала это, но иногда ей хотелось стереть эту ухмылку с его лица. Или поцеловать. Она пока не решила.

— Я знаю, — он подмигнул, и в его глазах заплясали бесенята. — Но без меня ты бы до сих пор стояла на парковке в обнимку с сугробом. Так что привыкай, Волкова. Мы теперь соседи по коммуналке.

Он развернулся и пошел к своему «дивану» из Волги, на ходу бросив:

— Георгий Иванович, доставайте ваши запасы. Если мы собираемся планировать войну с электрическими тенями, нам нужно топливо.

Лена опустилась на жесткую ткань раскладушки, кутаясь в пальто. Вокруг пахло соленьями и опасностью. Снаружи, за тонкими железными стенами, выл ветер и гудела Москва, готовящаяся к празднику. А здесь, среди старых покрышек,

четверо изгоев готовились совершить невозможное.

И, несмотря на абсурдность ситуации, Лена вдруг поймала себя на мысли, что впервые за много лет она чувствует себя не одинокой. Может быть, это и был тот самый настоящий Новый год — не с шампанским и мандаринами, а в гараже, с людьми, которые не бросят тебя, даже если за тобой придут все монстры мира.

Глава 8. Бал во время чумы

21 декабря. 09:02

Рассвет просачивался в щели гаражных ворот неохотно, серыми, пыльными полосами, освещая царство хаоса и маринованных помидоров. Ночь на советских раскладушках, чьи пружины впивались в ребра с мстительностью инквизиторов, оставила на теле Лены ноющую карту синяков, а в душе — ощущение сюрреализма происходящего.

Единственным оазисом цивилизации в этой ржавой пустыне оказалась душевая кабина, которую Георгий Иванович с гордостью инженера соорудил в дальнем углу за брезентовой ширмой. Вода, нагретая хитроумной системой змеевиков, проходящих через самогонный аппарат, лилась тонкой, но горячей струйкой, смывая с кожи не только грязь подземелий, но и липкий страх вчерашнего дня. Лена стояла под этим импровизированным водопадом, закрыв глаза, и пыталась собрать себя заново, кусочек за кусочком.

Когда она вышла, завернувшись в найденное стариком махровое полотенце, в гараж вихрем ворвалась Вика. Она отсутствовала с рассвета, отправившись на «спецзадание» в ближайший торговый центр, и теперь вернулась, увешанная фирменными пакетами, словно новогодняя елка игрушками.

— Гайз, это просто бомба! — защебетала она, сгружая добычу на верстак, потеснив карбюратор. — В «Авангарде» се-

годня маскарад. Тема: «Венецианская ночь». Охрана на входе проверяет только наличие масок и дресс-код, списков нет — слишком много гостей, там же сборная солянка из всех офисов. Это наш шанс!

Она начала извлекать из шуршащих недр пакетов ткани, переливающиеся в свете тусклой лампочки. Бархат, шелк, кружево.

— Я взяла на кредитку, — беспечно махнула рукой блогерша. — Если нас съедят монстры, банк все равно не найдет меня в желудке у чудовища. А если выживем — я стану звездой стримов и все окуплю. Лена, это тебе. Марк, это твое. Переодеваемся! Операция «Золушка» начинается.

Спустя час гараж преобразился. Теперь он напоминал закулисье странного театра, где среди банок с огурцами готовились к выходу актеры нуарной драмы.

Лена шагнула к осколку зеркала, приклеенному к стене, и не узнала свое отражение. Платье глубокого, винного оттенка, струящееся по фигуре, оставляло открытыми плечи, но имело высокий разрез на бедре — идеальный тайник. Под тяжелым шелком, на кружевной резинке чулка, холодным металлом прижимался к коже нож, который она одолжила у Марка. В крошечном клатче, усыпанном стразами, вместо помады лежала портативная рация и отмычки.

— Недурно, — раздался за спиной низкий голос, в котором привычная ирония уступила место откровенному восхищению.

Лена обернулась и замерла. Марк, вечный бунтарь в растянутых футболках, исчез. Перед ней стоял мужчина в безупречном черном смокинге, который сидел на нем так, словно Марк родился на красной ковровой дорожке. Белоснежная рубашка подчеркивала смуглую кожу, а бабочка, небрежно, но стильно повязанная, добавляла образу хулиганского шарма. Только глаза остались прежними — серыми, внимательными, с опасным блеском.

— Ты... выглядишь как шпион из кино, которого убивают в начале фильма, — попыталась пошутить Лена.

— А ты выглядишь как причина, по которой он предал Родину, — парировал Марк, подходя ближе. Он протянул ей маску — изящную, черную, с серебряной вязью. — Готова устроить переполох в курятнике?

— Всегда готова, — выдохнула она, принимая маску. Их пальцы соприкоснулись, и разряд статического электричества — или чего-то иного — прошил воздух.

21 декабря. 20:38

Вечерний «Авангард» встретил их какофонией звуков и огней. Холл, где еще недавно убивали охранников и ползали тени, теперь утопал в золотой мишуре и лазерных лучах. Грохотала музыка — смесь модных битов и вечных новогодних хитов, от которых вибрировал пол. Толпа, пестрая, пьяная и веселая, бурлила, словно шампанское в гигантском бокале. Люди в масках чумных докторов, венецианских дам и

шутов танцевали, пили, смеялись, не подозревая, что под их ногами, на минус третьем уровне, зреет катастрофа.

Лена и Марк скользнули в этот людской водоворот. Они двигались синхронно, спина к спине, сканируя пространство.

— Лифты заблокированы охраной, — прошелестел голос Марка в ухе Лены (Вика снабдила их микронаушниками). — Придется искать служебный вход через кухню кейтеринга. Вижу двоих у правой колонны.

— Поняла, — отозвалась Лена, улыбаясь проходящему мимо «Арлекину» с бокалом мартини. — Уводим их?

— Нет. Сливаемся.

Заиграла медленная композиция. Тягучий саксофон, переплетенный с глубоким басом. Марк, не раздумывая, перехватил руку Лены и властно притянул к себе, увлекая в центр танцпола.

Его ладонь легла на ее талию — горячая, уверенная, собственническая. Лена положила руку ему на плечо, чувствуя под дорогой тканью пиджака твердость мышц и напряжение готового к прыжку хищника.

Они двигались в ритме музыки, прижимаясь друг к другу непозволительно, преступно близко. Вокруг кружились пары, но для Лены мир сузился до разреза глаз в маске Марка и его дыхания, щекочущего ей шею.

— На три часа, — прошептал он ей в висок, словно признание в любви. — Начальник службы безопасности. Смот-

рит на нас.

— Улыбаемся, — так же тихо ответила Лена, проводя пальцами по его затылку, имитируя страсть, которая с каждой секундой становилась все меньше похожей на игру. — Мы просто любовники, сбежавшие от скучных коллег.

— Убедительно, — хмыкнул Марк, и его рука скользнула чуть ниже, на ее поясницу, заставляя сердце Лены пропустить удар. — Твое оружие не видно?

— Только если ты продолжишь так прижиматься, — выдохнула она, чувствуя, как жар заливает щеки под маской. — Нож упирается.

— Потерпи. Нам нужно добраться до той двери за сценой.

Они сделали поворот. Марк вел в танце уверенно, жестко, и Лене вдруг захотелось подчиниться этой силе. Здесь, посреди опасности, среди врагов и монстров, она чувствовала себя удивительно живой. Адреналин смешивался с влечением, создавая опьяняющий коктейль. Они были как мистер и миссис Смит, только вместо разрушающегося дома вокруг них был рушащийся мир.

— Знаешь, — прошептал Марк, наклоняясь к ее уху так близко, что его губы коснулись мочки. — Если мы выберемся отсюда, я заставлю тебя надеть это платье еще раз. Только уже без ножа.

— Сначала выберись, хакер, — ответила Лена, глядя ему в глаза. — Дверь свободна.

Марк кивнул, не разрывая зрительного контакта. Музы-

ка достигла крещендо. Он резко развернул ее в финальном па, прикрывая собой от зала, и они, словно растворившись в тенях, скользнули за тяжелую бархатную портьеру, отделяющую праздник жизни от темных коридоров смерти.

Тяжелая бархатная портьера, скрывшая их от праздничной вакханалии, сработала подобно герметичному шлюзу. За спиной остались звон бокалов, фальшивый смех и пульсирующий бас поп-хитов, а впереди разверзлась тишина служебных коммуникаций. Здесь, в бетонном чреве здания, время текло иначе: вязко, напряженно, словно сгущающаяся кровь.

Лена, подхватив подол своего роскошного винного платья, ступала осторожно, стараясь, чтобы стук каблуков не разносился эхом по лестничному пролету. Марк, шедший впереди, напоминал падшего ангела в своем смокинге: широкие плечи напряжены, в руке вместо бокала с шампанским зажат дешифратор, а белоснежная рубашка стала единственным светлым пятном в сгущающемся мраке.

Они спускались все ниже, минуя технические этажи, пока воздух не стал окончательно стерильным и ледяным. Минус третий уровень. Царство «Эгиды».

Коридор встретил их мертвенно-зеленым свечением аварийных ламп. Стеклянные стены лабораторий, обычно прозрачные, сейчас казались мутными, затянутыми изнутри странной пеленой, похожей на иней.

— Сюда, — одними губами произнес Марк, указывая на

массивную дверь с биометрическим замком. Табличка на ней гласила: «Руководитель проекта. Посторонним вход воспрещен».

Пальцы хакера запорхали над сенсорной панелью. Дешифратор тихо жужжал, подбирая ключи к цифровому сердцу корпорации. Секунда, другая — и замок, жалобно пискнув, окрасился в приветливый зеленый цвет. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

Кабинет выглядел стерильно-безупречным, словно операционная. Никаких бумаг, никаких личных вещей — только огромный стол из черного стекла и мерцающие мониторы, на которых бежали бесконечные графики энергопотребления.

Марк рванулся к терминалу.

— Следи за коридором, — бросил он, подключая флешку. Его пальцы застучали по клавиатуре с пулеметной скоростью. — Система защиты здесь зверская. У меня есть минуты две, не больше, прежде чем сработает тихая тревога.

Лена встала у входа, сжимая в потной ладони рукоять ножа. Тишина давила на уши. Ей чудилось, что тени в углах коридора шевелятся, меняют форму, тянутся к ней невидимыми нитями.

— Есть контакт, — выдохнул Марк, не отрывая взгляда от экрана. — Черт, они действительно строят пробойник. Вот схемы... Список поставок... Ого, «Биологическая совместимость субъектов». Качаю.

Полоска загрузки ползла. Двадцать процентов. Тридцать.

Внезапно воздух в кабинете изменился. Температура резко упала, и изо рта Марка вырвалось облачко пара. Лена почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом — не от холода, а от ужаса, пронизывающего каждую клетку тела.

— Марк, — прошептала она, но голос застрял в горле.

В углу кабинета, прямо под потолком, вентиляционная решетка начала деформироваться. Металл стонал и выгибался, словно пластилин. А затем из темного зева шахты начало сочиться нечто.

Это не походило на жидкость. Это была живая тьма, густая, маслянистая субстанция. Она не капала вниз — она сползала по стене плотным комом, выпуская ложноножки, ощупывая пространство.

— Марк! — закричала Лена, отступая внутрь комнаты.

Он резко обернулся, и его глаза расширились.

Тварь, почувствовав внимание, перестала скрываться. Черная масса, издав звук, похожий на влажный хлюп, рванулась вперед с невероятной скоростью, стремясь отрезать их от выхода.

— Флешка! — Марк выдернул накопитель, едва дождавшись заветных ста процентов.

Субстанция вздыбилась перед ним, формируя подобие гигантской кобры с разинутой пастью, полной вращающихся лезвий тьмы. Она ударила, метя Марку в лицо.

Марк, проявив чудеса реакции, отпрыгнул в сторону, опрокидывая тяжелое кожаное кресло на пути монстра.

Тварь с чавканьем поглотила мебель, растворяя обивку за доли секунды, но эта заминка подарила им мгновение.

— Бежим! — заорал он, хватая Лену за руку.

Они рванули к двери, едва не поскользнувшись на идеально гладком полу. Черная жижа, поняв, что добыча уходит, расплескалась, превращаясь в сеть тонких, острых шипов, летящих им в спину.

Один из шипов чиркнул по рукаву смокинга Марка, оставив дымящийся разрез на ткани, но плоть не задел. Лена, не помня себя, толкнула дверь, и они вывалились в коридор, тут же ударив по панели блокировки.

Створки сомкнулись, отсекая чудовищное шипение. Через секунду металл двери начал пузыриться, чернеть и прогибаться наружу.

— На лестницу! Живо! — скомандовал Марк.

Они бежали, забыв про конспирацию и тишину. Стук каблуков Лены и тяжелое дыхание Марка сливались в единый ритм паники. Роскошное платье путалось в ногах, подол трещал по швам, но Лена не замечала этого. Главное — вверх. Подальше от этой ожившей преисподней.

Позади, где-то в глубине коридора, раздался грохот выбитой двери и вой, от которого кровь стыла в жилах. Тварь вырвалась на свободу.

Они влетели на лестничную клетку, захлопнув за собой тяжелую противопожарную дверь, и понеслись вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Легкие горели огнем, ноги

налились свинцом, но адреналин гнал их вперед, к спасительному шуму музыки и свету.

Только когда они оказались на первом этаже, смешавшись с толпой подвыпивших гостей, Марк позволил себе остановиться. Он прижал Лену к стене в темном закутке возле гардероба, тяжело дыша. Его смокинг был безнадежно испорчен, на щеке красовалась грязная полоса, но в руке он крепко сжимал крошечный кусочек пластика.

— Взяли, — выдохнул он, и в его глазах, несмотря на пережитый ужас, плясал безумный огонь победы. — Мы их сделали, Ленчик.

Лена посмотрела на него, потом на свой порванное платье — разрез стал неприлично высоким, до самого бедра. Марк заметил направление ее взгляда, но решил тактично промолчать. Они стояли, дрожащие, потные, перепачканные, посреди самого дорогого корпоратива года, сжимая в руках смерть корпорации. И в этот момент Лена поняла, что никогда и ни с кем не чувствовала себя такой живой, как с этим сумасшедшим в рваном смокинге.

Глава 9. Шрамы под шелком и мандариновая оттепель

22 декабря. 08:12

Бледный, разбавленный городской гарью свет лениво полз по банкам с помидорами, превращая их в мутные рубины, и оседал пылью на капоте старой «Волги». Стояла утренняя густая тишина, и лишь где-то вдалеке, за рядами железных боксов, лениво переругивались собаки, да капала вода из самодельного рукомойника, отсчитывая секунды новой реальности.

Лена открыла глаза, выныривая из тяжелого сна, где за ней по бесконечным коридорам гнались ожившие тени. Тело отозвалось на пробуждение ноющей болью: жесткая пружина раскладушки, казалось, пересчитала ей все ребра, а ноги гудели после безумного марафона по лестницам.

Она приподнялась на локте, кутаясь в пальто, наброшенное поверх испорченного вечернего платья. Вика и Георгий Иванович исчезли — вероятно, отправились на поиски кофе или новостей, оставив их вдвоем.

Марк не спал. Он сидел на перевернутом ящике у верстака, спиной к ней, и возился с какой-то платой, подсвечивая себе карманным фонариком. Его наряд, лишенный пиджака и бабочки, выглядел теперь костюмом уставшего фокусни-

ка после неудачного представления: рукава закатаны, белоснежная рубашка помята и покрыта пятнами копоти.

— Ты вообще ложился? — хрипло спросила Лена, и собственный голос показался ей чужим.

Марк вздрогнул, но не от испуга, а словно выходя из глубокой задумчивости. Он медленно обернулся. В сером утреннем свете его лицо казалось осунувшимся, черты заострились, а темные круги под глазами соперничали по цвету с пятнами мазута на полу.

— Адреналин — паршивое топливо, Ленчик, — криво усмехнулся он, откладывая паяльник. — Сначала не дает уснуть, а потом выжигает изнутри до тла. Как ты?

Лена попыталась поправить сползающий рукав платья и невольно поморщилась. Резкая боль пронзила левое плечо.

— Жить буду. Кажется, просто потянула мышцу.

Марк поднялся, подошел к ней и, не спрашивая разрешения, осторожно отвел ткань в сторону. Лена зашипела сквозь зубы. На бледной коже, чуть ниже ключицы, алел длинный, неглубокий порез с рваными краями — след от соприкосновения с шипом тьмы, который она в горячке погони даже не заметила.

— Просто мышца, говоришь? — тихо произнес он, и в его голосе не нашлось места привычной иронии. — Сиди смирно. У Георгия где-то был спирт и бинты.

Он вернулся с аптечкой — жестяной коробкой из-под печенья. Лена наблюдала за его движениями: точными, скупы-

ми, лишенными суеты. В этом гаражном сумраке, среди запаха бензина и пыли, возникла странная интимность. Словно мир сжался до размеров этого пятачка света, где были только они двое.

Марк смочил вату спиртом.

— Сейчас будет щипать. Потерпи.

Холодное прикосновение обожгло кожу, но рука Марка, придерживающая ее за здоровое плечо, излучала такое надежное, заземляющее тепло, что боль отступила на второй план. Он обрабатывал рану сосредоточенно, хмуря брови, и Лена впервые увидела его таким — без маски циника, без брони шута. Просто усталого мужчину, который заботится о ней.

— Почему ты одна, Волкова? — вдруг спросил он, не поднимая глаз, продолжая наклеивать пластырь.

Лена замерла. Обычно она отшучивалась, говорила про карьеру, про ипотеку, про отсутствие достойных кандидатов. Но сейчас врать этому человеку, с которым она вчера смотрела в глаза смерти, казалось кощунством.

— Потому что так проще, — честно ответила она, глядя на его пальцы. — Мне нравится моя работа, цифры не предают. Дедлайны не уходят к другим. Когда я работаю до полуночи, мне необязательно возвращаться в пустую квартиру и слушать тишину.

Марк замер на секунду, его рука дрогнула. Он поднял взгляд, и их глаза встретились. В его радужке, цвета грозо-

вого неба, плескалось понимание.

— А ты? — спросила она шепотом. — Ты ведь тоже один. Твои шутки, сарказм — это ведь тоже стена. От кого ты обороняешься?

Он грустно улыбнулся уголком рта, убирая вату в коробку.

— Я вижу баги, Лен. В системах, в коде, в людях. Это профессиональная деформация. Я смотрю на человека и сразу вижу, где он сломается, где соврет, где предаст. Сложно строить отношения, когда ты заранее знаешь сценарий катастрофы. Я предпочитаю дружить с серверами. Они, по крайней мере, честно говорят об ошибках.

Он закончил перевязку, но не отодвинулся. Они сидели непозволительно близко, колено к колену, дыхание к дыханию. Лена чувствовала исходящий от него запах — смесь вчерашнего дорогого парфюма, табака и какой-то щемящей мужской надежности.

— Может быть, ты просто не там искал? — выдохнула она, сама испугавшись своей смелости. — Может, есть баги, которые не нужно исправлять? Которые делают систему... уникальной?

Марк посмотрел на нее так, словно видел впервые. Не «Мисс Нервный Срыв», не начальницу отдела, не напарницу по несчастью. А женщину, которая сидит перед ним в рваном платье за баснословные деньги, в грязном гараже, и видит его насквозь.

— Возможно, — ответил он.

Его рука скользнула с ее плеча на шею, пальцы запутались в растрепанных волосах. Он медленно, давая ей возможность отстраниться, наклонился ближе. Воздух между ними натянулся, заискрил, и это электричество не имело ничего общего с монстрами из подвала. Это было притяжение двух одиноких комет, летящих навстречу друг другу в холодной пустоте.

— Гайз! Я добыла кофе! И круассаны, правда, они вчерашние, но кого это волнует?!

Грохот открывающейся калитки и звонкий голос Вики, ворвавшейся в гараж вместе с клубами морозного пара, разбили магию момента вдребезги.

Марк резко отпрянул, словно обжегшись, и тут же нацепил привычную маску невозмутимости, хотя в глазах все еще тлел огонь. Лена поспешно запахнула пальто, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, пытаясь выпрыгнуть наружу.

— Кофе — это отлично, — пробормотал Марк, вставая и отворачиваясь к верстаку, чтобы скрыть дрожащие руки. — А то наш пациент уже бредит.

Лена коснулась пластыря на спине, который все еще хранил тепло его пальцев. Разговор прервался, но сказанные слова повисли в воздухе, меняя все. Теперь они были не просто командой по спасению мира. Они стали чем-то большим, и это пугало Лену не меньше чудовища из черной слизи.

22 декабря. 21:07

Гараж, еще утром напоминавший холодильную камеру для хранения запчастей и несбывшихся надежд, к вечеру преобразился до неузнаваемости. Стараниями Георгия Ивановича, притащившего откуда-то из недр кооператива масляный радиатор внушительных размеров, воздух в помещении нагрелся, наполнившись уютным запахом каленого железа и тепла. Агрегат, ласково прозванный стариком «Зверем», урчал в углу, словно сытый металлический кот, отвоевывая у зимней стужи метр за метром.

Вика, которой роль подпольщицы быстро наскучила без доступа к социальным сетям, направила свою кипучую энергию на создание уюта. Теперь на суровом верстаке, потеснив карбюраторы и банки с огурцами, возвышалась гора оранжевых мандаринов, распространяющих праздничный цитрусовый аромат, смешивающийся с нотками бензина в причудливый коктейль «Новый год в автомастерской».

Сама блогерша, сменившая модные аутфиты на плюшевую пижаму-кигуруми в виде розового единорога (единственное, что нашлось в ближайшем магазине, восседала на заднем сиденье «Волги» и с трагическим видом чистила фрукты, стараясь не повредить маникюр.

— Если я выживу, — вещала она, картинно закатывая глаза, — то напишу книгу. «Как я провела зиму: монстры, мазут и отсутствие латте на миндальном». Это будет бестселлер, гайз. Экранизацию снимет Нолан.

Георгий Иванович, разливая по эмалированным кружкам чай, заваренный прямо в лабораторной колбе, благодушно усмехался в усы.

— Нолан не потянет, — авторитетно заявил он. — Тут нужен Тарковский. Чтобы долгие планы, капающая вода и философия на фоне ржавой трубы. Держи, дочка, горяченького. Это тебе не латте, а краснодарский с чабрецом. От всех болезней, включая хандру.

Лена, укутанная в пушистый клетчатый плед, сидела на своей раскладушке, поджав ноги. Она наблюдала за этой сюрреалистичной картиной с тихой улыбкой. Странно, но здесь, в этом абсурдном убежище, среди случайных людей, ставших ей ближе родных, она чувствовала покой, какого не ощущала в своей стерильной квартире.

Лишь один человек выпадал из этой идиллии.

Марк, сгорбившись за импровизированным столом из ящиков, оставался неподвижным изваянием. Синее свечение монитора выхватывало из полумрака его сосредоточенное лицо. Он не слышал ни шуток Вики, ни рассказов Георгия о рыбалке на Байкале в восемьдесят девятом. Весь мир для него сжался до строк кода, бегущих по экрану. Он пытался взломать шифрование «Эгиды», подбирая ключи к тайне, способной их спасти или погубить.

Лена подошла к нему тихо, стараясь не шуметь, и поставила на край ящика тарелку с очищенными мандариновыми дольками. Марк даже не вздрогнул, его пальцы продолжали

отбивать дробь по клавиатуре, но Лена заметила, как напряжены его плечи под тонкой тканью худи.

— Поешь, — мягко сказала она, касаясь его локтя. — Они правда поднимают настроение.

Он на секунду замер, моргнул, словно выныривая из глубокого омута, и посмотрел на нее. В его глазах, красных от напряжения, плескалась усталость пополам с одержимостью.

— Почти, — прохрипел он, не притронувшись к еде. — Алгоритм сложный, полиморфный. Они меняют ключи каждые полчаса. Но я нашел лазейку. Бэкдор, который оставил кто-то из их же программистов. Видимо, не все там мечтают о конце света.

— Отдохни пять минут, — настояла Лена. — Иначе ты просто упадешь, и кто тогда будет нас спасать? Розовый единорог?

Вика, услышав свое кодовое имя, помахала им мандариновой шкуркой.

Марк слабо улыбнулся, потянулся за долькой, но в этот момент ноутбук издал мелодичный переливчатый звук. На экране вспыхнуло окно с надписью: «Доступ разрешен. Дешифровка завершена».

Атмосфера в гараже мгновенно переменилась. Уют испарился, сменившись звенящим напряжением. Вика перестала жевать, Георгий Иванович отставил кружку. Все четверо сгрудились вокруг маленького экрана, ставшего сейчас центром вселенной.

Марк жадно вчитывался в открывшиеся файлы, его глаза бегали по строчкам, выхватывая суть.

— Так, — выдохнул он, и голос его зазвучал твердо. — Вот оно. Отчет биологической группы номер семь. Субстанция... они называют ее «Темная материя типа Омега». Она имеет структуру коллективного разума. Реагирует на электромагнитные поля, питается ими, использует для роста.

— Это мы и так поняли, — нетерпеливо вставила Вика. — Как ее убить? Чесноком? Осиновым колом?

— Светом, — Марк открыл следующий график. — Но не обычным. Они проводили тесты. Видимый спектр ее только раздражает. А вот жесткий ультрафиолет... Диапазон UV-C, тот, что используют для стерилизации операционных. Он разрушает связи между клетками материи. Она буквально распадается на атомы.

— Кварцевание, — догадался Георгий Иванович, хлопнув себя по колену. — Как в больнице. Значит, нам нужны мощные ультрафиолетовые лампы.

— Много ламп, — поправил Марк. — Очень много. Но это полдела. Смотрите сюда.

Он развернул на весь экран карту города. Но это была не обычная схема улиц. Поверх привычных очертаний Москвы была наложена сетка подземных коммуникаций — метро, коллекторы, заброшенные бункеры. И все эти линии сходились в одну пульсирующую красную точку.

Лена ахнула, узнав место.

— Это же...

— Театральная площадь, — закончил Марк. — Прямо под Большим театром и главной городской елкой. Там сходятся старые дренажные системы времен Екатерины. Идеальное место. Влажно, темно, и, благодаря праздничной иллюминации, туда стекаются мегаватты энергии со всего центра.

— Гнездо, — прошептала Вика, и от этого слова, произнесенного в теплом гараже, повеяло могильным холодом. — Они сидят прямо под елкой, пока дети водят хороводы.

— Они готовятся к прорыву, — Марк указал на дату в углу документа. — 31 декабря. Пик потребления энергии. Когда куранты пробьют двенадцать, «Гнездо» откроется. И тогда то, что вылезло в нашем офисе, покажется нам безобидным домашним питомцем.

Тишина в гараже стала тяжелой, давящей. Знание, полученное ими, было слишком огромным для четверых человек, сидящих на старых ящиках.

— У нас есть доказательства, — Лена выпрямилась, чувствуя, как внутри снова просыпается решимость. — Схемы, отчеты, видео с камер наблюдения. Это не бред сумасшедшего. Это факты. Мы не можем справиться с этим вчетвером, с одним огнетушителем и ножом.

— Полиция? — скептически спросил Георгий Иванович.

— ФСБ, МЧС, кто угодно, — твердо ответила Лена. — Завтра утром мы идем в главное управление. Мы положим

им эти файлы на стол. Они не смогут проигнорировать угрозу теракта в центре Москвы в новогоднюю ночь.

Марк посмотрел на нее с сомнением, но затем кивнул.

— Ладно. Сделаем копии на несколько носителей.

Глава 10. Справка о конце света и армия отверженных

23 декабря. 10:45

Приемная ФСБ на Лубянке (точнее, общественная приемная, куда пускали простых смертных без погон) пахла не тайной государственной важности, а мокрой шерстью, дешевым кофе «три в одном» и безнадежностью. Это был запах очереди в поликлинику, помноженный на паранойю.

Лена, Марк и Георгий Иванович сидели на жесткой деревянной скамье, похожей на церковную, только вместо молитв здесь шептали проклятия. Вику оставили в машине: ее кигуруми единорога и желание снять тик-ток на фоне герба могли сорвать операцию «Спасение человечества» еще на стадии фейс-контроля.

— Мы выглядим как идиоты, — прошипел Марк, нервно теребя пуговицу на пальто. — Нет, хуже. Мы выглядим как городские сумасшедшие, которые пришли жаловаться, что их облучают через розетку.

— У нас есть факты, — упрямо ответила Лена, сжимая в руке папку с распечатками, словно это был щит. — У нас есть графики, фото, журнал событий. Против бюрократии нужно бороться ее же оружием — бумагой.

— Следующий! — гаркнуло окошко номер три.

Они подошли к стеклу. За ним восседал майор с лицом настолько усталым и серым, словно его вылепили из прошлогоднего московского снега. Табличка гласила: «Майор Синицын В.П.».

— Слушаю, — майор даже не поднял глаз от кроссворда.

— У нас заявление о подготовке террористического акта с применением оружия массового поражения биологического типа, — отчеканила Лена своим лучшим голосом «железной леди», которым обычно отчитывала поставщиков.

Майор медленно, с хрустом, поднял голову. В его глазах читалась вековая тоска человека, который видел все: от изобретателей вечного двигателя до свидетелей пришествия Ктулху.

— Биологического, значит, — протянул он. — Опять голуби-шпионы? Или соседи ртуть через вентиляцию пускают?

— Нет, — вмешался Марк, кладя на стойку жесткий диск. — Это энергетическая форма жизни, культивируемая корпорацией «Эгида» в подвалах Москва-Сити. Они планируют массовый прорыв в новогоднюю ночь через электросеть. Эпицентр — Театральная площадь.

Синицын посмотрел на диск. Потом на Марка. Потом на Георгия Ивановича, который для солидности надел свой лучший галстук поверх свитера с оленями.

— Ребят, — вздохнул майор. — У меня сегодня три заявления о краже елок, два угона и один мужик, который утвер-

ждает, что его жена — рептилоид. Вы мне статистику не портите. «Эгида» — это, на минуточку, подрядчик мэрии. Уважаемые люди. А вы кто?

— Мы те, кто не хочет сдохнуть тридцать первого числа! — взорвалась Лена. — Посмотрите файлы! Там схемы, там видео, где охранника засасывает в пол!

— Видео сейчас нейросетями рисуют, — отмахнулся майор, возвращаясь к кроссворду. — Гражданка, пишите заявление в свободной форме. Оставьте в канцелярии. Рассмотрение — тридцать дней.

— У нас нет тридцати дней! — Лена ударила ладонью по стеклу. — У нас неделя!

Майор нахмурился.

— Так. Или вы сейчас идете писать заявление молча, или я вызываю наряд и оформляю вас за хулиганство. И, кстати, проверьтесь у нарколога. Праздники еще не начались, а у вас уже черти в розетках. Следующий!

Спустя пятнадцать минут они стояли на улице, под серым, низким небом, из которого сыпалась ледяная крупа. Папка с «неопровержимыми доказательствами» теперь казалась просто стопкой макулатуры.

Марк закурил, пряча зажигалку от ветра в ладонях. Его руки дрожали — не от холода, а от бешенства.

— Тридцать дней, — процедил он, выпуская дым. — Тридцать дней на рассмотрение конца света. Я же говорил. Им плевать. Пока монстр не откусит задницу лично мини-

стру, никто не почешется.

Лена прислонилась спиной к холодной стене здания. Внутри было пусто. Вера в систему, в порядок, в то, что есть взрослые дяди, которые придут и все исправят, рухнула, погребя под собой остатки надежды.

— И что теперь? — спросил Георгий Иванович, глядя на свои ботинки. — В «Ладу-2», ждать, пока нас сожрут?

Марк бросил окурок в урну. Резко повернулся к Лене.

— Нет. Если государство умывает руки, мы берем ответственность на себя.

— Каким образом? — горько усмехнулась Лена. — Соберемся кучкой в четыре человека и пойдем штурмовать подземелья с швабрами? Нас размажут, Марк.

— Нас четверо, да, — кивнул он. — Но неужели ты думаешь, что мы единственные, кто это видел? Лен, эта дрянь лезет изо всех щелей уже месяц. Пропадают курьеры. Мигают лампочки. Странные звуки в метро. Люди видят. Люди пишут об этом на форумах, в чатах ЖК, в комментариях. Просто их, как и нас, считают психами.

Он подошел к ней вплотную, взял за плечи. Его пальцы больно впились через ткань пальто.

— Мы не будем просить помощи у тех, кто сыт и спокоен. Мы обратимся к таким же напуганным и отверженным. Мы соберем армию неудачников, Лен. Армию тех, кому никто не верит.

Лена посмотрела в его глаза — серые, горящие лихора-

дочным блеском. И вдруг поняла, что он прав. Это было безумие, но это было единственное, что у них оставалось.

— Вика, — выдохнула она. — Нам нужна Вика.

23 декабря. 14:00. Гараж «Лада-2»

Штаб сопротивления гудел. Причем теперь он гудел еще и вентилятором старого роутера, который висел под потолком на честном слове и синей изоленте.

Проблему связи, на которую жаловалась Вика, Марк решил еще утром, проявив чудеса инженерной смекалки. Объявив, что железный гараж работает как клетка Фарадея и глушит любой сигнал, он перерыл запасы Георгия Ивановича, нашел старую дециметровую ТВ-антенну (знаменитую «польскую решетку»), вооружился паяльником и переделал ее под прием 4G-сигнала. Теперь эта конструкция, закрепленная на швабре над крышей гаража и направленная строго на вышку сотовой связи, выдавала стабильные пятьдесят мегабит, превращая бункер в полноценный дата-центр.

Вика, сбросив образ гламурной дивы, превратилась в медиа-генерала. Она сидела на раскладушке, обложившись тремя телефонами и пауэрбанками, и строчила посты со скоростью пулемета.

— Я не могу писать прямым текстом «Монстры атакуют», меня забанят за фейк-ньюс, — объясняла она, не отрываясь от экранов. — Мы действуем тоньше. Хештеги. #СтраннаяМосква #ТениВМетро #ЭлектричествоУбивает. Я запус-

каю челлендж: «Расскажи свою криповую историю». Таргетирую на диггеров, электриков, ночных таксистов и работников ЖКХ.

Георгий Иванович висел на старом дисковом телефоне (который, как оказалось, работал надежнее айфона в условиях гаража), обзванивая свою «старую гвардию».

— Петрович? Здорово. Слушай, ты в девяносто восьмом рассказывал, как в коллекторе на Неглинной чертовщину видел... Да не пил я! Ну, может, сто грамм. Короче, она вернулась. Собирай мужиков. Бери газовые горелки. И ту самую лампу, которой ты грибок в ванной выжигал. Да, ту, кварцевую. Жду.

Лена и Марк сидели за ноутбуком, фильтруя поток входящих сообщений, который начала генерировать активность Вики.

Это было похоже на открытие шлюзов канализации. Сначала шел мусор: шутники, спамеры, городские сумасшедшие. Но среди тонн словесной руды начали попадаться крупицы золота. Истины.

User_DarkLight: «Работаю в аварийке. Позавчера выезжали на подстанцию в Чертаново. Там кабель был обглодан. Не крысами. Металл словно растворился. Моего напарника ударило током, он теперь в реанимации, врачи говорят — химический ожог».

Metro_Rat: «На перегоне между Театральной и Тверской в тоннеле какая-то черная плесень. Она глушит связь. На-

чальство запретило туда ходить без спецкостюмов».

Kuryer_Yandex: «В "Авангарде" лифты живут своей жизнью. Я видел, как двери зажевали коляску. Слава богу, пустую».

— Отвечай им, — командовал Марк. — Пиши координаты. Сбор завтра в 20:00. Место — заброшенный цех завода «Кристалл». Гараж всех не вместит.

— А если придут провокаторы? Или полиция? — спросила Лена, отправляя очередное сообщение парню, который утверждал, что его кошку съел удлинитель.

— Полиция занята елками и пьяными дед-морозами, — усмехнулся Марк. — А провокаторы... Поверь, когда человек видит то, что видели мы, он не шутит. Страх — лучший детектор лжи.

Лена на секунду остановилась и посмотрела на Марка. Он был в своей стихии: координировал, взламывал, планировал. В этом хаосе он казался скалой.

— Ты когда-нибудь думал стать революционером? — спросила она. — Тебе идет командовать парадом.

— Я предпочитаю быть серым кардиналом при королеве, — он подмигнул ей, и Лена покраснела, не зная, как реагировать на этот неприкрытый флирт. — Кстати, королева, у нас заканчиваются бутерброды. Армию нужно кормить.

— Королевы не делают бутерброды, — парировала Лена, пытаясь вернуть самообладание и спрятать улыбку, которая предательски рвалась наружу. — Они отдают приказы. Но

так и быть, для серых кардиналов сделаю исключение. В порядке гуманитарной помощи.

Она отошла к импровизированному кухонному уголку на верстаке. Батон, купленный Георгием Ивановичем в местном ларьке, обладал прочностью силикатного кирпича, а нож, найденный в ящике с инструментами, скорее пилил, чем резал. Но Лена, привыкшая сражаться с упрямыми таблицами Excel, приняла этот вызов с мрачной решимостью.

В гараже стало тише. Вика, истощив весь запас энергии на создание контент-плана революции, свернулась калачиком на заднем сиденье «Волги». В своем плюшевом костюме единорога она выглядела сюрреалистично — словно детская игрушка, забытая в декорациях нуарного детектива. Георгий Иванович дремал сидя, прислонившись спиной к стене, и его мерный храп вплетался в гудение радиатора.

Лена закончила с бутербродами — кривоватыми, с толстыми ломтями «Докторской» — и вернулась к Марку. Он так и не сдвинулся с места, гипнотизируя экран ноутбука, где бежали строки кода, понятные только ему и, возможно, самой Матрице.

— Ешь, — она поставила тарелку прямо на ящик, перекрыв ему обзор. — Война войной, а гастрит по расписанию.

Марк моргнул, выныривая из цифрового транса. Посмотрел на бутерброды, потом на Лену. В неверном свете лампы его лицо казалось уставшим, тени залегли глубже, но в глазах плясали теплые искры.

— Спасибо, Ваше Величество, — он взял бутерброд, откусил сразу половину и блаженно прикрыл глаза. — Боже. Это лучшее, что я ел в жизни. Мишлен должен дать этому гаражу три звезды. За атмосферу безысходности и идеальную колбасу.

Лена присела рядом, на край его ящика, кутаясь в пальто.

— Ты правда веришь, что они придут? — тихо спросила она. — Завтра. Все эти люди.

Марк прожевал, смахнул крошку с подбородка и посмотрел на нее серьезно.

— Придут. Не потому что они храбрые. А потому что им страшно поодиночке. Мы дали им то, чего у них не было все это время — ощущение, что они не сошли с ума. Это сильный наркотик, Лен. Сильнее страха.

Он потянулся и накрыл ее ладонь своей. Его пальцы были холодными от долгого сидения за клавиатурой, но это прикосновение обожгло.

— И потом, — добавил он чуть тише, большим пальцем поглаживая ее запястье. — Если они увидят тебя, то пойдут хоть на штурм Белого Дома. Я бы пошел.

Лена почувствовала, как краска снова заливает щеки. Ей, взрослой женщине, пережившей сотни дедлайнов, вдруг захотелось положить голову ему на плечо и закрыть глаза. Здесь, среди запаха бензина, старых тряпок и мандариновой корки, было уютнее, чем в ее стерильной евродвушке.

— Доедай, льстец, — прошептала она, не отнимая руки.

— Нам нужно выспаться. Завтра мы либо спасем этот город, либо станем самой странной новостью в криминальной сводке.

— Мне нрафытся этот план, — прокомментировал Марк с набитым ртом. — Оба варианта звучат как пфыключение.

За стенами гаража выл декабрьский ветер, швыряя снег в железные ворота. Москва готовилась ко сну, сияя миллионами огней, каждый из которых мог стать дверью для тьмы. Но здесь, в тусклом круге света, страх отступил.

— Спокойной ночи, напарник, — сказала она, вставая.

— До завтра, королева, — отозвался он.

Глава 11. Охотники за привидениями

24 декабря. 20:15. Бывший цех розлива завода «Кристалл»

Заброшенный заводской цех выглядел как декорация к фильму про постапокалипсис: выбитые стекла, ржавые балки под потолком, гулкое эхо и холод, пробирающий до костей. Лена, Марк, Вика и Георгий Иванович стояли на импровизированной трибуне — старой погрузочной рампе, освещенные лишь светом автомобильных фар (Марк загнал «Волгу» прямо внутрь).

Лена куталась в пальто и дрожала.

— Никто не придет, — прошептала она. — Это бред. Люди сидят дома, режут оливье и смотрят «Иронию судьбы». Кому нужны наши сказки?

— Жди, — коротко бросил Марк, глядя на тяжелые железные ворота цеха.

И тут ворота скрипнули.

Сначала вошла маленькая, сухонькая старушка с тележкой на колесиках. За ней — два здоровенных мужика в спецовках «Мосэнерго», с лицами, испачканными сажей. Потом — стайка бледных подростков с рюкзаками, увешанными значками. Поток людей не прекращался.

Они шли молча, настороженно оглядываясь. Здесь были курьеры с желтыми и зелеными коробами. Таксисты в кожаных куртках. Группа диггеров в налобных фонарях. Какая-то женщина в шубе, сжимающая в руках переноску для кошки. Суровый дядька с монтировкой за поясом.

К половине девятого цех был заполнен. Человек сто, может больше. Пестрая, странная толпа, которую в обычной жизни ничего бы не объединило. Но сейчас их объединял одинаковый взгляд — взгляд людей, которые заглянули за край реальности и увидели там зубы.

Гул голосов затих, когда Марк вышел вперед.

— Добрый вечер, — его голос, усиленный мегафоном (добыча Вики), разлетелся под сводами цеха. — Или не добрый. Если вы здесь, значит, вы видели.

Толпа молчала.

— Видели тени, которые не отбрасывают предметы, — продолжил Марк. — Слышали звуки в проводах. Чувствовали, как холод берет вас за горло в теплых комнатах.

— Я видел! — выкрикнул парень в спецовке. — На подстанции! Оно сожрало кабель толщиной в руку! Начальник сказал, я был пьян и меня уволили!

— А у меня в квартире на первом этаже из раковины лезло! — подхватила женщина в шубе. — Черная жижа! Я вызывала сантехников, они ржали надо мной!

Гул начал нарастать. Люди выплескивали то, что держали в себе, боясь прослыть сумасшедшими. Это был сеанс кол-

лективной терапии, перерастающий в бунт.

Лена шагнула к мегафону, перенимая эстафету у Марка. Ей вдруг стало легко. Она видела перед собой не толпу фриков, а своих сотрудников. Только задача была не закрыть квартал, а выжить.

— Нам никто не поверит, — сказала она громко и четко. — Полиция, МЧС, власти — они слепы. Или в доле. Через семь дней, в новогоднюю ночь, эти твари вылезут наружу. Они питаются электричеством, а Москва сейчас — одна большая батарейка. Если мы ничего не сделаем, этот город станет кладбищем.

— И че делать-то, командирша? — хрипло спросил кто-то из темноты. — У нас нет танков.

— У нас есть кое-что получше, — улыбнулась Лена, кивая Георгию Ивановичу.

Старик вышел вперед, с гордостью выкатывая ту самую монструозную конструкцию из кварцевых ламп, которую они собрали днем. В полумраке цеха она напоминала орудие пыток из киберпанка.

— Свет, — проскрипел он. — Жесткий ультрафиолет. Для них это как кислота.

Марк сунул руку во внутренний карман пальто и достал тяжелый свинцовый футляр — тот самый, в котором хранил образец, добытый в первый день из щитка.

— Я ношу эту дрянь с собой неделю, — громко сказал он, поднимая футляр так, чтобы видели все. — И поверьте, она

очень хочет выбраться.

Он поставил контейнер на ржавую бочку в центре пятна света от автомобильных фар. Надел защитные очки и жестом велел передним рядам отойти. С осторожностью сапера Марк отщелкнул крышку.

Толпа испуганно выдохнула.

Внутри пластиковой коробочки бесновалась черная маслянистая клякса. Почувствовав свободу и близость сотен людей — их тепло, электрические поля их телефонов — субстанция мгновенно вздыбилась. Она выстрелила тонким хищным усиком вверх, пытаясь вырваться за бортик, пульсируя в ритме чуждого сердцебиения.

— Георгий, огонь! — скомандовал Марк, отдергивая руку.

Старик ударил по рубильнику.

Установка вспыхнула ядовито-фиолетовым, режущим глаза светом. Концентрированный луч ударил прямо в открытый контейнер.

Раздался звук, похожий на шкворчание масла на раскаленной сковороде, смешанный с тонким, почти ультразвуковым визгом, от которого у многих заложило уши. Черная слизь забилась в конвульсиях. Она начала пузыриться, теряя форму, источая густой вонючий дым.

Три секунды агонии — и все кончилось.

Марк дал знак выключить лампу. На дне контейнера не осталось ни монстра, ни слизи. Только горстка серого пепла,

который он демонстративно сдул с ладони.

Толпа ахнула. Страх в глазах людей сменился надеждой.

— Нам нужно оружие, — сказала Лена, видя, что момент настал. — Все, что светит ультрафиолетом. Медицинские лампы, солярии, детекторы валют, лампы для маникюра.

— У меня в салоне три лампы для шеллака! — пискнула Вика. — Я принесу!

— Я работаю в больнице, списанное оборудование на складе есть! — крикнул кто-то.

— Я электрик, я могу собрать портативные прожекторы, если будут детали!

Цех превратился в растревоженный муравейник. Лена чувствовала, как дрожат руки от азарта.

Марк подошел к ней, когда толпа начала разбиваться на группы по интересам: электрики обсуждали схемы подключения, курьеры чертили карты проходных дворов к центру.

— Неплохо для менеджера среднего звена, — сказал он, глядя на нее с нескрываемым уважением. — Ты только что создала незаконное вооруженное формирование.

— Это кризис-менеджмент, детка, — усмехнулась она, поправляя волосы. — Если проект горит, нужно привлекать аутсорс.

Внезапно к ним подошел мужчина неопределенного возраста, в очках с толстыми линзами и с рюкзаком, полным радиодеталей.

— Простите, — он говорил тихо, заикаясь. — Я... я фи-

зик. Преподаю в МГУ. Я слышал ваши слова про резонанс и электричество.

— И что? — насторожился Марк. — Скажете, что это антинаучно?

— Нет, что вы! — физик поправил очки. — Наоборот. Я давно заметил аномалии в энергосистеме. Но... вы собираетесь просто светить на них лампами? Это как бить слона тапком. Эффективно, но долго.

— У вас есть идея получше?

Физик застенчиво улыбнулся, и в этой улыбке промелькнуло что-то пугающе-маньячное.

— Если они живут в сети... и если они соберутся в одном месте, в «Гнезде», как вы говорите... то зачем бегать за ними с лампами? Можно ведь устроить короткое замыкание. Глобальное.

— Вырубить свет во всей Москве в новогоднюю ночь? — Лена округлила глаза.

— Не просто вырубить, — вмешался Марк, мгновенно уловив мысль. — Создать обратный импульс. Перегрузку. Превратить всю сеть города в гигантский электрический стул. Поджарить их изнутри, в их же проводах.

Физик кивнул.

— Но для этого нам нужно добраться до центрального распределительного узла. И нам нужно что-то, что создаст импульс такой мощности.

Марк и Георгий Иванович переглянулись.

— Катушки Теслы, — хором сказали они. — Те самые, которые «Эгида» завезла в лабораторию.

— Мы украдем их оружие, — закончил Марк, и на его лице расплылась хищная улыбка. — И направим против них.

Лена посмотрела на свою странную, нелепую, но такую живую армию.

— Значит, план меняется. Мы не просто обороняемся. Мы идем в атаку. Операция «Темная ночь» начинается.

В этот момент к рампе подошла бабушка с тележкой.

— Сынок, — обратилась она к Марку. — У меня дома две банки святой воды и электрошокер, который мне внук подарил. Куда это сдавать? В общий котел или при себе держать?

Марк посмотрел на Лену. Лена прыснула. Через секунду они оба хохотали — нервно, истерично, до слез, обнявшись посреди холодного цеха.

— При себе, бабуля, — вытирая слезы, сказал Марк. — При себе. Электрошокер и святая вода — это лучший билд на этого босса.

24 декабря. 23:32

Когда все разошлись, получив инструкции и контакты для связи в Телеграме (Вика создала закрытый канал «Охотники за привидениями МСК»), они вчетвером остались в цеху.

Марк сидел на капоте «Волги», глядя в темноту. Лена подошла к нему, протягивая стаканчик с остывшим кофе.

— Ты как?

— Страшно, — честно признался он. — Я технарь, Лен. Мой максимум риска — это пролить колу на клавиатуру. А мы собираемся устроить блэкаут в столице ядерной державы. Нас посадят. Если не съедят.

— Зато будет что вспомнить, — она встала рядом, касаясь его плеча своим.

Марк повернул голову. Их лица оказались в опасной близости.

— Знаешь, чего я боюсь больше, чем монстров?

— Чего?

— Что когда все это закончится... ты вернешься к своим отчетам, а я к своим серверам. И мы снова станем чужими.

Лена молчала. Сердце стучало так громко, что, казалось, перекрывало гул далекого города.

— Я ненавижу отчеты, — прошептала она. — И я, кажется, начинаю любить сервера.

Марк медленно, словно давая ей последний шанс сбежать, положил руку ей на талию. Лена не сбежала. Она подалась вперед, и их губы наконец встретились — в поцелуе со вкусом дешевого кофе, пыли и отчаянной надежды.

Где-то в глубине цеха Георгий Иванович деликатно кашлянул и отвернулся, делая вид, что очень заинтересован ржавой арматурой. А Вика тихонько навела камеру телефона, но на этот раз не стала постить.

— Сохранить в черновики, — прошептала она с улыбкой. — Для свадебного видео.

Глава 12. Список покупок: Хлеб, молоко, огнемет

25 декабря. 16:30. Строительный гипермаркет «МегаСтрой»

Весь западный мир сейчас сидел за накрытыми столами, разрезал индеек и разворачивал подарки в уютном мерцании каминов. В Москве же этот день был обычным рабочим четвергом, но с привкусом шизофрении. Радиостанции крутили Синатру и «Last Christmas», создавая иллюзию глобального праздника, а люди в очередях зверели по-русски беспощадно, сметая с полок все, что не прибито.

Если ад существует, то в канун праздников его филиал открывается в отделе декора любого строительного гипермаркета.

Лена толкала перед собой огромную грузовую тележку, которая, по закону вселенской подлости, имела одно вихляющее колесо. В тележке уже покоился бензиновый генератор весом в сорок килограммов — сердце их будущей атаки. Рядом с ней, маневрируя между семьями, дерущимися за последнюю гирлянду со скидкой, шагал Марк. Он выглядел сосредоточенным, как сапер на минном поле, но периодически морщился от громкости «Jingle Bells», гремящей из динамиков.

— С Рождеством, что ли? — мрачно хмыкнул он, уворачиваясь от женщины с лыжами. — Чувствуешь дух праздника?

— Я чувствую запах пота и дешевого пластика, — отозвалась Лена, сверяясь с навигацией. — И желание убивать. Нам нужно еще три промышленных прожектора и удлинители. Много удлинителей. Желательно с сечением кабеля, которое выдержит запуск шаттла.

— Отдел электрики в конце зала, — Марк кивнул на указатель. — Вика и Георгий взяли на себя лампы для соляриев и кварцевые лампы из медтехники. Они сейчас на другом конце города.

Они пробирались сквозь толпу. Люди вокруг напоминали одержимых. Глобальный праздник где-то там, в фильмах «Один дома», а здесь была суровая реальность: скидка на ламинат заканчивалась через два дня.

В отделе «Свет» было ярче, чем на поверхности солнца. Здесь горели тысячи лампочек, люстр и бра. Марк деловито перебирал коробки с дешевыми строительными прожекторами.

— Возьмем эти, самые простые галогеновые, — он сгрузил в тележку четыре желтые коробки.

— Но это же обычный свет? — усомнилась Лена. — Ты сам сказал: нужен жесткий ультрафиолет.

— Верно. Но Вика и Георгий везут из медтехники только сами лампы — кварцевые трубки. Им нужны корпуса и пи-

тание. Эти прожекторы идеально подходят по размеру: выкидываем штатную спираль, вставляем кварц, снимаем защитное стекло — и вуаля. Получаем прожектор смерти за три копейки.

— Отлично, — Лена вычеркнула пункт. — Остался кабель и... садовый инвентарь? Зачем нам лопаты?

— Не лопаты. Кусачки, стяжки и, возможно, топор. На случай, если придется рубить кабель под напряжением. Или пробиваться через запертые двери.

Путь в отдел «Сад и огород» лежал через аллею праздничных витрин. Маркетологи постарались на славу, создавая уютные уголки «Европейского Рождества». Пластиковые Санты лезли в трубы, олени с красными носами щипали искусственный мох, а манекены в свитерах с оленями изображали счастливую семью, открывающую подарки у камина.

Лена шла быстро, чувствуя нарастающую тревогу. В этом магазине было слишком много электричества.

Они проходили мимо экспозиции «Рождественское утро». Группа манекенов: папа, мама и ребенок. На «папе» был нелепый красный свитер с помпонами и джинсы. На полу валялись пустые подарочные коробки.

Марк притормозил. Из динамиков как раз полилась тягучая «Silent Night».

— Что? — спросила Лена.

— Ничего, — он потер переносицу. — Показалось. У этого «папаши» странная поза. Слишком расслабленная для

куска пластика. И свитер. У него нитки как будто... шевелятся.

Он сделал шаг к витрине.

— Марк, не надо. У нас нет времени рассматривать рождественские свитера.

— Секунду. Просто проверю.

Он протянул руку к красному свитеру.

В то же мгновение мир вокруг словно моргнул. Лампы над витриной издали тонкий писк и погасли. «Silent Night» на секунду заело на высокой ноте.

Манекен потек.

Праздничный свитер расплылся, превращаясь в ту самую нефтяную маску. Пластиковое лицо треснуло, и из-под него брызнула черная слизь. Рука, которая секунду назад держала коробку с бантом, выстрелила вперед, как пружина.

Удар был беззвучным. Черная плеть обвила шею Марка, рывком вдергивая его внутрь витрины, прямо в бутафорский камин.

— Ммм! — только и успел выдавить он.

Лена застыла на долю секунды. Вокруг по-прежнему шумела толпа: кто-то спорил о цене на искусственную ель всего в пяти метрах от них, не замечая, как за стеллажом рождественская декорация душит человека.

Крикнуть? Позвать охрану? Бесполезно.

Лена бросила тележку и рванула следом, перепрыгивая через ограждение с надписью «Happy New Year».

Марк лежал на спине, сбивая ногами пластиковые поленья. Существо навалилось на него сверху. Оно уже не походило на манекена — это был сгусток тьмы, принявший гуманоидную форму. Его «руки» сжимали горло хакера, а там, где должно было быть лицо, раскрывалась воронка, полная вращающихся игл.

Марк хрипел, его пальцы царапали глянцевую поверхность монстра, но соскальзывали.

Лена огляделась в панике. Вокруг только пенопласт, коробки и плюшевые медведи.

Взгляд упал на соседний стенд. «Распродажа. Все для зимней обрезки».

Она схватила первое, что попалось под руку — тяжелый, с длинными оранжевыми ручками сучкорез.

Существо уже склонилось к лицу Марка.

Лена не стала думать. Она замахнулась, вкладывая в удар всю свою ярость на этот проклятый год, на одиночество, на то, что вместо рождественского ужина она стоит по колено в пенопласте.

Хрясь!

Лезвие сучкореза с влажным, чавкающим звуком вошло в то место, где у твари должна была быть шея.

Мимик дернулся, издав звук спускаемой шины. Черная слизь брызнула во все стороны, пачкая белоснежную бороду стоявшего рядом Санты.

Лена не остановилась. Она раскрыла лезвия и ударила

снова. И снова. Она кромсала этот оживший кошмар под нежные звуки «Silent night, holy night...»

Существо обмякло. Хватка на горле Марка осласла. Черная жижа начала стремительно испаряться, превращаясь в сизый дым, который тут же затянуло в вентиляцию.

Марк закашлялся, жадно хватая ртом воздух. Он попытался отползти, вытирая с лица остатки черной дряни.

Лена стояла над ним, тяжело дыша. В руках она все еще сжимала садовые ножницы, с лезвий которых капало нечто, похожее на мазут.

— Ты... — прохрипел Марк, глядя на нее снизу вверх расширенными от ужаса и восхищения глазами. — Ты только что прикончила его садовым инструментом.

— Вставай, — скомандовала она, протягивая ему руку. — Пока нас не заставили платить за испорченный манекен.

Они выбрались из витрины, отряхиваясь, за секунду до того, как к отделу подошла молодая пара с ребенком.

— Мама, смотри, Санта сломался! — звонко закричал мальчик, указывая на черную лужу и разбросанный пенопласт.

Лена и Марк уже шли прочь, толкая свою тележку. Сердце колотилось где-то в горле, адреналин заставлял руки трястись.

Они добрались до кассы. Обычная очередь.

— С вас двадцать восемь тысяч четыреста рублей, — равнодушно сказала кассирша. — Пакет с дедом морозом ну-

жен?

Лена посмотрела на свои грязные руки.

— Нет. Нам нужно вот это, — она кинула на ленту бутылку недорогого шампанского с полки акционных товаров у самой кассы.

Они вышли на парковку, в холодную, вьюжную ночь. Ветер швырял снег в лицо, где-то вдалеке выли сирены.

Марк вдруг остановился, прислонился лбом к холодному металлу генератора.

— Знаешь, — тихо сказал он, трогая багровые следы на шее. — Я всегда мечтал, чтобы на Рождество произошло чудо. Но я думал про новый процессор, а не про то, что меня будет спасать от смерти женщина с ножницами.

Лена посмотрела на него. Под светом уличного фонаря он казался бледным и измученным.

— С Рождеством, Марк, — она неумело, дрожащими пальцами начала сдирать фольгу с горлышка бутылки. Пробка хлопнула негромко, улетев куда-то в сугроб. Шампанское пеной полилось на асфальт.

— С Рождеством, Ленчик, — он принял бутылку, сделал глоток прямо из горла и передал ей.

Они стояли на продуваемой всеми ветрами парковке, передавая друг другу бутылку игристого. Мимо проезжали машины, спешащие к теплым домам и накрытым столам. А здесь, у тележки с генератором, двое людей праздновали свою маленькую победу над тьмой.

25 декабря. 21:00. Гараж «Лада-2»

Гараж напоминал мастерскую Санта-Клауса, который сошел с ума, уволил эльфов и нанял вместо них персонажей из «Безумного Макса».

В центре, на верстаке, заваленном инструментами и мандариновой кожурой, кипела работа. Воздух был густым и слоистым: внизу пахло старым машинным маслом и шампанским, вверху — канифолью и озоном от паяльника.

— Осторожнее, Георгий Иванович, это ртутная лампа, а не грецкий орех, — предупредил Марк, не отрываясь от потрошения желтого строительного прожектора.

Старик, надев сварочную маску (отчего стал похож на Дарта Вейдера на пенсии), аккуратно завернул огромную

лампу ДРЛ в промасленную тряпку.

— Не учи ученого, сынок, — глухо донеслось из-под маски. — Я эти колбы бил, когда ты еще под стол пешком ходил и лампочки только лизал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.